

#1 NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

ПРОДАНО БОЛЕЕ 100 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ДЕББИ МАКОМБЕР

HARLEQUIN®

Путеводная нить

История о неразрывной дружбе —
настоящих женщин с невероятными
проблемами рассказана в этом
сентиментальном и остром романе.

BookNet

Дебби Макомбер

Путеводная нить

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=588515

Путеводная нить: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-227-02327-8

Аннотация

Хозяйка магазинчика «Путеводная нить» Лидия решает набрать новых учениц на курсы вязания. У всех женщин непростые судьбы. Красавица Бетани переживает сложный развод, Кортни, потерявшая мать, вынуждена покинуть семью и заканчивать выпускной класс, живя у бабушки. Элиза, элегантная дама с железным характером, по злому умыслу аферистов-риелторов осталась на скромной пенсии без дома, о котором мечтала, и накоплений. Да и сама Лидия должна расстаться с любимым, к которому вернулась законная супруга. Как же не поддаться отчаянию и достойно выдержать натиск житейских бурь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	88
Глава 8	97
Глава 9	107
Глава 10	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дебби Макомбер

Путеводная нить

Глава 1

ЛИДИЯ ХОФФМАН

При вязании носка вручную словно окунаешься в историю и начинаешь понимать, как жили мастерицы в прежние времена. Ведь они трудились точно так же, как мы сейчас.

*Нэнси Буш,
автор пособий «Носки ручной вязки» (1994),
«Эстонское вязание» (1999)
и «Вяжем в пути» (2001)*

Вязание спасло мне жизнь. Оно поддерживало меня во время двух продолжительных рецидивов рака. У меня в мозгу нашли злокачественную опухоль, которая проявлялась неопишимо мучительными головными болями. Я думала, что не вынесу... Болезнь омрачала мне жизнь начиная с шестнадцати лет, и все же я боролась.

Итак, в шестнадцать мне поставили страшный диагноз. Вязать я училась между сеансами химиотерапии. Моя соседка по палате, у которой был рак груди, вязала практически непрерывно. Она и стала моей первой учительницей. Уколы

я переносила плохо. От постоянной головной боли хотелось лезть на стену, но после химиотерапии я тоже была никакая. И только вязание помогало мне преодолевать слабость и переживать приступы неукротимой рвоты. Через какое-то время стало ясно, что с парой спиц и мотком пряжи я вынесу все, что мне суждено. Хотя тогда я почти облысела – волосы выпадали пучками, – я упрямо перематывала шерсть в клубки, вывязывала узор по схеме и радовалась, закончив очередной кусок. Рукоделие отвлекало меня от тревог, хотя связать за один раз получалось совсем немного. И все же достижения, пусть и скромные, согревали мне душу.

Вязание стало моим спасением, а еще, конечно, меня спас папа. Если бы не он, второго рецидива мне бы ни за что не перенести... И вот я жива, а папы, как это ни печально, больше нет. По иронии судьбы, меня болезнь пощадила, зато доконала отца.

В свидетельстве о его смерти в графе «Причина» значится «обширный инфаркт». А мне кажется, что папа умер все не от инфаркта. Когда стало ясно, что моя болезнь вернулась, отец потерял гораздо больше сил, чем я. Поскольку мама не очень хорошо умела ухаживать за больными, основную нагрузку взял на себя отец. Именно он возил меня на химиотерапию, именно он добился, чтобы мне обеспечили самый лучший уход. Папа подарил мне волю к жизни. Всецело поглощенная борьбой с болезнью, я тогда даже не понимала, какую страшную цену он заплатил за мое выздоров-

ление. Когда врачи официально признали, что у меня ремиссия, у отца не выдержало сердце.

После его смерти я поняла, что не имею права тратить жизнь попусту. Надо было решать, чему себя посвятить, но так, чтобы покойный отец гордился мной. Ради его памяти я готова была рискнуть. Я, Лидия Анна Хоффман, вознамерилась оставить след в истории. Теперь-то я понимаю, как напыщенно, должно быть, звучат эти слова, но год назад подобное решение показалось мне единственно правильным. Оно шло от сердца. Вам, конечно, интересно, что же я придумала?

Я открыла магазин пряжи в Сиэтле, на Цветочной улице. Согласна с теми, кто считает, что такой шаг вряд ли способен изменить мир, но лично для меня открытие магазина стало своеобразным «рывком веры». Я сравнивала себя ни больше ни меньше чем с Ноем, который начал строить свой ковчег заранее, когда на горизонте еще не было видно ни облачка. Деньги, полученные мной в наследство от дедушки с бабушкой, я до последнего гроша вложила в дело. Подумать только – я ведь ни разу не удерживалась ни на одной работе дольше нескольких недель и совершенно не разбиралась в финансах, не умела составлять бизнес-планы и вести бухгалтерские книги... И тем не менее я рискнула и вложила все свои сбережения в то, в чем действительно разбиралась, – то есть в пряжу и вязание.

Естественно, я сразу же столкнулась с трудностями. В то

время на Цветочной улице проводили полную реконструкцию. Одной из моих первых учениц на курсах вязания стала жена главного архитектора, Жаклин Донован. Жаклин, Кэрол и Аликс, которые записались на тот первый курс вязания, и по сей день остаются моими ближайшими подругами. Прошлым летом, когда я открыла «Путеводную нить», Цветочная улица была закрыта для движения транспорта. Всем, кому удавалось отыскать дорогу в мой магазинчик, приходилось мириться с пылью, грязью и постоянным шумом за окнами. И все же царящий на улице хаос и связанные с ним неудобства не умерили моего пыла. К счастью, посетительницы, многие из которых стали постоянными, меня поддерживали. И конечно, большую роль сыграла моя вера в успех.

Можно было ожидать, что родные придут мне на выручку, но все получилось не совсем так. Мама, благослови ее Бог, старалась как могла, но смерть папы нанесла ей тяжелый удар. До сих пор она так и не оправилась от горя. Когда я поделилась с мамой своими мечтами, она не стала меня расхолаживать, но и не подбодрила. Насколько я помню, она сказала:

– Конечно, детка, дерзай, если считаешь, что так надо.

Впрочем, зная маму, я понимала, что на более пылкое одобрение рассчитывать трудно.

Моя старшая сестра Маргарет, наоборот, сразу и безоговорочно принялась пророчить мне ужасные несчастья. В тот день, когда я открыла свой магазинчик, она уверенно пред-

рекала моему делу скорый конец. Экономика переживает кризис, мрачно вещала она, и все нормальные люди берегут каждый грош. При большом везении я продержусь месяца полтора... Минут через десять мне захотелось расторгнуть договор аренды и забыть о своих надеждах, но потом я напомнила себе: сегодня мой первый рабочий день, и я еще не продала ни одного мотка пряжи.

Как вы, наверное, уже догадались, отношения у нас с Маргарет довольно сложные. Не поймите меня неправильно – сестру я люблю. До того как у меня нашли опухоль, мы с ней регулярно ссорились и мирились, как все нормальные сестры. После того как мне впервые поставили страшный диагноз, Маргарет проявила себя с самой лучшей стороны. Помню, она привезла мне в больницу плюшевого мишку. Он и до сих пор где-то у меня, если только его не уволок Уискерс. Уискерс – мой кот, он обожает рвать в клочья все пушистое и ворсистое.

Когда болезнь вернулась, Маргарет повела себя совершенно иначе. Она словно намекала на то, что я сама хочу болеть, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание... Делая первые робкие шаги к независимости, я надеялась, что Маргарет меня поддержит. Куда там! Сестрица не только не пришла мне на выручку, но, наоборот, активно отговаривала меня. Правда, постепенно она сменила точку зрения. Наверное, на нее подействовало мое упорство.

Маргарет нельзя назвать порывистой и непосредствен-

ной. Она не спешит изливать душу. Лишь после очередного страшного поворота в жизни я поняла, как сильно сестра меня любит. Через несколько месяцев после открытия «Путеводной нити» врачи заподозрили, что моя болезнь снова вернулась. Страшно даже вспомнить, что я пережила, когда доктор Уилсон снова направил меня на обследование. Мне показалось, будто весь мой мир внезапно замер, остановился. По правде говоря, я сомневалась в том, что в третий раз перенесу то же самое, и заранее решила: если болезнь действительно вернулась, я откажусь от лечения. Умирать мне не хотелось, но, если над тобой постоянно нависает угроза смерти, ее в конце концов перестаешь бояться. В общем, я решила: будь что будет.

Мое настроение расстраивало Маргарет – она не желала мириться с моим фатализмом. Разговоры о смерти пугали ее, как пугают почти всех нормальных людей. Ну а я так долго находилась на самом краю, что смерть стала казаться мне чем-то вполне естественным и простым. Как взять и вдруг выключить свет... Нет, я не стремлюсь к смерти, но и не боюсь ее. К счастью, подозрения врачей не подтвердились, и теперь я живу и радуюсь жизни, а мой магазин процветает. О черной полосе я упомянула только потому, что именно тогда вдруг осознала, как сильно сестра меня любит. Последние семнадцать лет я лишь два раза видела ее плачущей – когда умер папа и когда доктор Уилсон сказал, что я здорова.

Как только я снова смогла работать в полную силу, Мар-

гарет то угрозами, то посулами заставила меня помириться с Брэдом Гетцем. Брэд водитель «Ю-пи-эс», службы экспресс-доставки «Юнайтед парсел сервис», которая доставляет нам заказанные пряжу и фурнитуру. Мы с ним начали встречаться в прошлом году. Он разведен и воспитывает восьмилетнего сына Коди. Сказать, что Брэд красавец, значит ничего не сказать – он сногшибателен. В первый раз, когда он вкатил в мой магазин тележку с коробками, я оцепенела, а потом так разволновалась, что мне с трудом удалось расписаться в квитанции. Брэд три раза приглашал меня выпить, прежде чем я согласилась. Вспоминая свой «богатый» опыт в отношениях с противоположным полом, я была уверена, что на свидании с Брэдом буду чувствовать себя не в своей тарелке. Мне бы ни за что не хватило духу согласиться, если бы не Маргарет. Сестра буквально заставила меня ответить «да».

Я всегда говорю, что «Путеводная нить» стала утверждением моей воли к жизни, но, если верить моей сестре, жизни я всегда боялась. Боялась жить на самом деле, боялась выйти за пределы крошечного уютного мирка, который создала для себя в своем магазинчике. Я понимала что она во многом права, и все же упорствовала. Много лет подряд единственными мужчинами, с которыми мне приходилось общаться, были отец или врач; светского опыта у меня не больше чем у одуванчика! Но Маргарет не желала слушать мои отговорки, и вскоре мы с Брэдом стали регулярно встречаться. Сначала

выпивали по рюмочке после работы, потом вместе ужинали, ездили с Коди на пикники и ходили на бейсбол. Я полюбила сынишку Брэда так же сильно, как двух моих племянниц, Джулию и Хейли.

Сейчас мы с Брэдом видимся довольно часто. Испугавшись, что моя болезнь вернулась, я оттолкнула его – и ошиблась, как любит напоминать Маргарет. Потом Брэд меня простил, и мы возобновили отношения. Мы не спешим... точнее, я не спешу, а Брэд меня не торопит. Однажды он сильно обжегся: жена бросила его, сказав, что ей нужно «искать себя». Нельзя забывать и о Коди. Мальчик очень привязан к Брэду; хотя Коди любит и меня, я не хочу вмешиваться в отношения отца и сына. Пока у нас все неплохо, и мы все чаще заговариваем о совместном будущем. Сейчас Брэд и Коди стали частью моей жизни, и я уже не мыслю себя в отрыве от них.

Прошло немало времени, и Маргарет наконец оценила мой магазинчик. Вначале она сомневалась, но потом поверила в меня. Более того, сейчас она работает у меня. Да-да, мы с ней трудимся бок о бок – это ли не чудо? Иногда мы, конечно, ссоримся, но в целом наши отношения стали значительно лучше, чем раньше. Я рада, что Маргарет со мной – во всех смыслах слова.

Расскажу немного о своем магазине, хотя боюсь увлечься. Едва его увидела, сразу поняла, какой у него мощный потенциал. Несмотря на реконструкцию всей улицы, невоз-

возможность подъехать к нему на машине и часто меняющихся соседей, место оказалось просто идеальным. Еще не войдя внутрь, я была готова подписать договор аренды. Мне понравились огромные окна-витрины, выходящие на улицу. Теперь в витрине почти всегда спит Уискерс, уютно свернувшись между клубками пряжи. Ящики с цветами за окном сразу вызвали в памяти первый папин магазин, в котором продавались велосипеды. Я решила, что это хороший знак. Папа как будто одобрительно кивал мне, призывая открыть свой магазин именно здесь. Дело довершил пестрый, но довольно пыльный полосатый навес над входом. Мне стало ясно, что старомодный магазинчик может превратиться в оазис уюта и тепла, какой я нарисовала в своем воображении. Так и получилось.

Реконструкция Цветочной улицы почти завершена. Здание, в котором раньше располагался банк, переделали в супердорогой многоквартирный жилой дом, а в бывшем видеопрокате через дорогу от «Путеводной нити» сейчас кафе во французском стиле, которое, естественно, называется «Французское кафе». В видеопрокате в свое время работала Аликс Таунсенд, которая записалась на мой самый первый курс вязания для начинающих; я рада, что теперь она трудится поваром-кондитером, можно сказать, на прежнем месте. К сожалению, бывшее кафе «У Энни» через несколько домов пока закрыто, но вряд ли ему суждено долго пустовать. Наш квартал бурно развивается.

Звенит колокольчик над дверью, и в магазин входит Маргарет. Первый вторник в июне выдался погожим. Чувствуется, что на Тихоокеанском Северо-Западе вот-вот наступит лето.

– Доброе утро! – здороваюсь я, засыпая кофе в маленькую кофеварку. Кофе мы пьем в подсобке, которую я частично переоборудовала под свой кабинет.

Маргарет отвечает не сразу – бурчит что-то неразборчивое. Наверное, поссорилась с мужем или одной из дочерей. Ничего, сейчас она мне обо всем расскажет!

– Я поставила кофе, – объявляю я, когда Маргарет заходит в подсобку, чтобы убрать сумку в шкаф.

Не отвечая, сестра берет с подноса только что вымытую чашку и вынимает из кофеварки кувшин. Из фильтра еще капает кофе, капли попадают на нагревательный элемент и шипят, но она словно ничего не замечает.

Наконец мне надоедает ждать. Становится ясно, что само по себе ее дурное настроение не пройдет.

– Что стряслось? – спрашиваю я не слишком любезно. В последнее время сестра частенько приходит на работу в дурном настроении.

Маргарет косится на меня и пытается улыбнуться.

– Ничего... извини. Просто все кажется, что сейчас понедельник.

Поскольку магазинчик по понедельникам закрыт, рабочая неделя у нас начинается во вторник. Я хмурюсь, стараясь до-

гадаться, что же на самом деле тревожит Маргарет. Но сестра по-прежнему молчит и делает вид, будто ничего не случилось.

Моя сестра – настоящая красавица, у нее широкие плечи и густые черные волосы. Она высокая и гибкая, но совсем не хрупкая. Фигура у нее по-прежнему спортивная, как в ранней юности. Жаль, что она ни за что не соглашается изменить прическу. Как и в старших классах школы, она расчесывает волосы на прямой пробор и распускает по плечам. Кончики послушно загибаются внутрь, как будто Маргарет накручивает их щипцами. Подростком она, бывало, часами завивалась, поливала голову лаком, а вечером энергично расчесывала свою шевелюру щеткой. Хотя классический стиль ей по-прежнему к лицу, мне очень хочется, чтобы она попробовала что-нибудь новенькое.

– Хочу набрать учениц на новый курс. – Я меняю тему, надеясь отвлечь Маргарет от личных проблем.

– Какой?

Ага, заинтересовалась! Хороший знак. В основном обучение у меня проходило успешно. После курсов вязания для начинающих и продолжающих мои ученицы освоили шотландские свитера, вязание в стиле фер-айл. А сейчас я собиралась осуществить одну свою давнишнюю мечту.

– Неужели так трудно ответить?

Раздраженный вопрос сестры выводит меня из задумчивости.

– Носки, – отвечаю я. – Хочу вести курс вязания носков вручную.

После того как многие фирмы выпустили на рынок новые виды носочной пряжи, вязание носков стало повальным увлечением. В нашем магазине изобилие пряжи различных европейских марок. Люблю, когда есть из чего выбрать! Мои покупательницы, впрочем, тоже. Дизайнеры разработали особые виды секционной пряжи специально для носков со сложным узором. Из такой пряжи особенно приятно вязать.

– Ясно... – Маргарет пожимает плечами. – Наверное, вы будете вязать на двух круговых спицах, а не на чулочных? – как бы между прочим уточнила она.

– Конечно.

Я предпочитаю вязать на круговых спицах, Маргарет вяжет крючком. Хотя у нее получается хорошо, рукодельничает она нечасто.

– Сейчас, кажется, все увлекаются носками ручной вязки? – спрашивает она по-прежнему небрежно, почти равнодушно.

Я внимательно смотрю на сестру. Как правило, стоит мне что-нибудь предложить, она тут же убедительно доказывает, что из моего замысла ничего не выйдет. Наши с ней пикировки превратились в своеобразную игру. Я что-нибудь предлагаю, а Маргарет тут же объясняет, почему моя идея обречена на провал. Вот и сейчас мне хочется отстаивать свою точку зрения, но сестра упорно молчит.

– Значит, ты считаешь, что курс вязания носков понравится нашим клиентам? – не выдерживаю я. Раз Маргарет не возражает, значит, у нее в самом деле что-то стряслось.

Лично я полюбила вязать носки задолго до нынешней моды на них. Больше всего меня привлекает то, что они вяжутся сравнительно быстро. Закончив крупную вещь – например, шаль или свитер, – хочется для разнообразия связать что-нибудь на скорую руку: раз – и готово. Привыкнув вязать сутками, я радовалась, наблюдая, как мое творение буквально за считанные часы обретает форму. Носки почти не отнимают времени, на них уходит совсем немного пряжи. Кроме того, носки – отличный подарок. Да, я решительно настроилась на новый курс. И проводить его собираюсь по вторникам. По вторникам у нас, как правило, мало покупателей, поэтому нашим занятиям никто не помешает.

В ответ на мой вопрос Маргарет кивнула.

– По-моему, от учениц у тебя отбоя не будет, – пробормотала она.

Я пристально смотрю на сестру; на секунду мне кажется, будто в ее глазах блестят слезы. Что же все-таки случилось? Я уже говорила, Маргарет почти никогда не плачет.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – тихо спрашиваю я на всякий случай. Не хочется быть назойливой... И все же, если ей в самом деле плохо, пусть знает, что я волнуюсь за нее.

– Перестань спрашивать! – сухо отвечает она.

Я вздыхаю с облегчением. Наконец-то узнаю прежнюю

Маргарет!

– Напиши, пожалуйста, объявление, – прошу я. По части художественных способностей Маргарет гораздо одареннее меня, поэтому я поручаю ей все оформительские работы.

Она снова пожимает плечами – без всякого воодушевления.

– Ладно, к обеду напишу.

– Отлично!

Я подхожу к парадной двери, отпираю ее и переворачиваю табличку с «Закрыто» на «Открыто». Уискерс, лежащий на подоконнике и нежащийся на утреннем солнышке, лениво поднимает голову. В ящике за окном цветет красная королевская герань. Мне кажется, что земля сухая, поэтому я наливаю воды в лейку и выхожу на улицу. Краем глаза я замечаю коричневый борт грузовика со знакомым логотипом, и меня, как всегда, охватывает радость. Брэд приехал!

Кое-как втиснувшись на стоянку перед соседним цветочным магазином, он спрыгивает на землю, улыбаясь во весь рот.

– Какое чудесное утро!

Такая улыбка, как у него, способна растопить даже ледяное сердце, что уж говорить о моем... Брэд улыбается от всего сердца, всем существом, и у него самые яркие голубые глаза на свете. Прямо как два голубых маячка. Мне кажется, я различаю их издали.

– Ты привез мне пряжу? – спрашиваю я.

– Сегодня я привез только себя самого. Если у тебя есть кофе, я, пожалуй, зайду на пару минут.

– Кофе есть.

У нас с Брэдом появились свои ритуалы. Он заезжает в «Путеводную нить» два раза в неделю, иногда привозит заказ, а иногда и просто так, если появляется свободная минутка. Надолго он никогда не задерживается. Наливает себе кофе в походную кружку, улучив минутку, бегло целует меня и едет дальше, работать. Как всегда, я следом за ним захожу в подсобку и притворяюсь удивленной, когда он заключает меня в объятия. Люблю, когда он меня целует... Сегодня он поцеловал меня в лоб, потом в щеки, а потом добрался до губ, и меня словно током ударило. Вот как действует на меня его близость, о чем Брэд прекрасно знает!

Он держит меня достаточно долго, пока ко мне не возвращается равновесие. Наконец мы отходим друг от друга, и он тянется за кофейником. На его лице появляется озабоченное выражение.

– Маргарет поссорилась с Мэттом? – осведомляется он.

Я открываю было рот, чтобы заверить его, что все нормально, но потом решаю промолчать. Ведь я в самом деле ничего не знаю!

– Почему ты спрашиваешь?

– Твоя сестра в последнее время сама не своя, – вполголоса замечает он. – Разве ты сама не видишь?

Я киваю:

– У нее явно что-то случилось.

До сегодняшнего дня Маргарет ни разу не упускала случая устроить со мной словесную баталию.

– Хочешь, я сам у нее спрошу? – интересуется Брэд, забыв понизить голос.

– Может быть, но не сейчас... – не сразу отвечаю я.

Маргарет, чего доброго, обидится и напустится на Брэда, как на меня! Хотя... Моя сестра обожает Брэда, вот-вот сама в него влюбится. Если уж кто-то способен преодолеть ее защитный барьер, то только он.

– А когда?

– Наверное, когда мы соберемся все вместе.

Брэд качает головой:

– По-моему, лучше все выяснить, когда Мэтта не будет рядом.

– Верно. – Я прикусываю губу. – Другие предложения есть?

Но ответить он не успевает. Маргарет отдергивает занавеску, отделяющую подсобное помещение от торгового зала, и награждает нас испепеляющим взглядом. Мы с Брэдом вздрагиваем. Представляю, какие у нас сейчас виноватые лица!

– Послушайте, голубки, если уж вы перемываете мне косточки, то хотя бы не орите во все горло! – С этими словами сестра опускает занавеску и выходит в торговый зал.

Глава 2

ЭЛИЗА БОМОН

Элиза Бомон очень ждала и одновременно очень боялась выхода на пенсию. Ее радовало, что отныне не придется просыпаться по будильнику. Она вставала, когда организм подсказывал, что уже выспался, и садилась за стол, когда чувствовала голод, а не когда в ее школьной библиотеке был перерыв на обед.

Впрочем, не все так радужно. Много лет подряд Элиза урезывала себя и экономила на всем, чтобы на старости лет переселиться в собственный дом на своем клочке земли. Она долго искала, смотрела типовые поселки и, наконец, нашла то, что пришлось ей по душе. Коттеджный поселок ее мечты раскинулся на окраине Сиэтла. Правда, океана оттуда видно не было, зато дома стояли на опушке сосновой рощи. Элиза уже представляла, как будет пить кофе на крошечном заднем дворике и наблюдать за оленями и прочей живностью. Застройщик требовал оплатить крупную сумму наличными, и Элиза сняла деньги со своего счета. Она рассчитывала, что фирма окажется солидной, порядочной... В общем, выяснилось, что все совсем наоборот. Ее, как и других несчастных, мечтавших о собственном домике, ввели в заблуждение и обманули. Через месяц фирма-застройщик объявила

себя банкротом, и в результате у нее не оказалось ни дома, ни сбережений – только счета адвокатам все росли.

Лежа в кровати, Элиза тяжело вздыхала: ей всю жизнь хотелось путешествовать. Она родилась и выросла в Сиэтле и не выезжала никуда дальше залива Пьюджет-Саунд. Теперь путешествия ей не по карману. Зато она впервые с детства вспомнила о своих творческих наклонностях. Надо будет снова начать вязать, еще можно научиться рисовать масляными красками. Почти всю жизнь Элиза имела дело с книгами, и ей самой хотелось написать роман или рассказ для детей... Теперь она вольна пробовать силы в чем угодно, но только после того, как удовлетворят групповой иск против строительной фирмы. А до тех пор остается лишь сокрушаться о том, как мало у нее денег, и ждать, чем закончится судебный процесс.

Пока все как-то не решится, все остальное висит на волоске. Адвокаты заполняют необходимые бумаги, скоро дело передадут в суд. Ждать еще долго. В самом лучшем случае она и остальные соинвесторы увидят хотя бы часть своих денег через год... Если, конечно, им хоть что-то вернут, но это пока под сомнением. В общем, Элиза очень надеялась, что еще не все потеряно.

Неудача с собственным домом – не единственная ее беда. Уверенная в том, что вот-вот переедет в коттеджный поселок, Элиза не стала продлевать договор на аренду квартиры. Она, конечно, поторопилась. В Сиэтле туго с жильем, и дело

не только в том, что совсем непросто найти что-то приличное.

Квартиры сдаются по заоблачным ценам – на новую пришлось бы расходовать львиную долю пенсии. Дочь предложила Элизе пожить пока у нее, и Элиза согласилась, хотя и дала себе слово, что это ненадолго. Но прошло уже полгода...

Нет... Не стоит вспоминать о постигшей ее беде. Такие мысли только нагоняют тоску. Она хотела обрести собственный дом, а в результате потеряла все свои сбережения. Зато она относительно здорова, у нее замечательные дочь и внуки. Кроме того, рассудка она еще не лишилась.

– Бабушка, бабушка! – закричал шестилетний Джон, барабанив в ее дверь. – Ты не спишь? Можно мне войти?

Элиза встала и отодвинула засов. Веснушчатый внучок лукаво улыбнулся, глядя на нее снизу вверх. Жесткие рыжие волосы стояли дыбом – совсем как когда-то у Маверика. Глядя на младшего внука, она часто вспоминала бывшего мужа, хотя за последние тридцать лет они с ним виделись нечасто. Вот интересно, как ее угораздило влюбиться в профессионального игрока, да к тому же выйти за него замуж? Непостижимо... Видимо, она единственный раз в жизни поддалась необъяснимому порыву.

Но как же она его вначале боготворила! Элиза влюбилась в него по уши. Они поженились через несколько недель после знакомства – а познакомились они, кстати, не где-нибудь,

а в продуктовом магазине. Вскоре родилась Аврора, и начались трудности. Марвин Бомон по прозвищу Маверик работал в страховой компании, но уже в ту пору питал нездоровое пристрастие к картам и другим азартным играм. Тогда он едва не погубил их всех! В конце концов Элиза поняла, что у нее не остается другого выхода, и ушла от мужа. Всякий раз, когда она угрожала ему разводом, он умолял ее о прощении, просил дать ему еще один шанс. Раз за разом повторялось одно и то же. Элиза вычеркнула Маверика из своей жизни, хотя ей до сих пор больно. Она никого больше так не любила. Пыталась найти ему замену, но другим мужчинам так и не удалось зажечь в ней искру любви.

Нет, она не жила затворницей и не исключала того, что снова выйдет замуж. Ближе всего к решительному шагу она была, когда Авроре исполнилось пятнадцать. И вдруг оказалось, что у Жюля, музыканта симфонического оркестра, с которым она тогда встречалась, в Сан-Франциско жена и две дочери. Разочаровавшись в мужчинах, Элиза больше не стремилась к новым романам. И в простой жизни есть свои радости.

В дверь с озабоченным видом заглянула ее дочь.

– Джон, я же велела тебе не беспокоить бабушку! – упрекнула сына Аврора и, схватив его за руку, потащила прочь. – Извини, мама. Я просила мальчиков дать тебе выспаться, – добавила она, виновато покосившись на Элизу.

– Ничего страшного, я уже проснулась.

Пусть Элиза и не мечтала на старости лет жить в доме дочери, домохозяйки с двоими детьми, но пока и ее, и Аврору все устраивало. Мебель свою Элиза отвезла на склад, чем закончится тяжба – неизвестно, зато у нее есть крыша над головой.

В ожидании вердикта Элиза платила Авроре и ее мужу Дэвиду за жилье. По их настоянию сумма была очень маленькой, и все же она вносила свой скромный вклад в их семейный бюджет. Кроме того, Элиза помогала дочери с детьми. Дэвид, зять Элизы, работал в компьютерной фирме, которая продавала программное обеспечение на территории всей Северной Америки. Поэтому Дэвида часто не бывало дома по неделе, а то и по две. Элиза и Аврора всегда были близки, их не стесняло общество друг друга. Элиза была очень благодарна дочери за ободрение и поддержку.

– Пойдем сегодня в парк? – спросил Джон.

– Может быть. – Элиза не любила в чем-либо отказывать внуку. – Скоро я пойду по делам и не знаю, когда освобожусь.

– А мне можно с тобой по делам? – Джону не сиделось на месте. Он вечно куда-то бежал, спешил все увидеть и всем помочь. Ему не терпелось с головой окунуться в гущу жизни. Жаль, но иногда приходится делать перерывы.

– Нет, милый, сегодня тебе в школу.

Лицо у мальчика вытянулось, но долго унывать он не умел. Выслушав отказ, добродушно пожал плечами и убежал к брату.

– Я хотела прогуляться на Цветочную улицу – там открылся магазинчик пряжи, – сообщила Элиза.

Она сразу поняла: Авроре по душе, что она снова интересуется вязанием. Недавно Элиза навещала своего адвоката, а потом прогулялась по обновленной Цветочной улице. Тогда-то ее внимание и привлек симпатичный магазинчик.

Перемены, произошедшие на Цветочной улице, приятно удивили Элизу. Много лет тот квартал, застроенный убогими, обветшалыми домами, был настоящим бельмом на глазу жителей города. После реконструкции все изменилось, хотя и не совсем так, как думала Элиза. Во-первых, архитектор не стал сносить все старые здания. В них произвели перепланировку, заменили коммуникации, отреставрировали фасады. На Цветочной улице появились магазинчики с полосатыми навесами, цветами в ящиках и выносными рекламными щитами перед входом. Квартал приобрел своеобразное очарование, здесь стало очень уютно. Трудно поверить, что совсем рядом – деловой центр Сиэтла с небоскребами, крупными финансовыми корпорациями, страховыми компаниями и прочим.

Заглянув в витрину «Путеводной нити», Элиза увидела объявление, в котором всех желающих приглашали на курсы вязания. Будь что будет, решила она. Хотя ей пока не удастся наслаждаться жизнью на пенсии, как она собиралась, не быть же скрягой, которая жалеет потратить лишний цент. К тому же рукоделие поможет ей отвлечься от неприятностей.

Выпив чаю у себя в комнате, Элиза принялась одеваться. Фигура у нее оставалась по-девичьи стройной. Она сняла с вешалки брючный костюм персикового цвета – и стильный, и удобный. Хотя на дворе начало июня и ярко светит солнце, воздух еще не прогрелся как следует; сверху надо будет надеть куртку в тон. К нагрудному карману белой блузки она приколотла маленькую розовую камею – свою самую красивую драгоценность. Камею ей подарил Маверик еще до того, как они поженились. Элиза очень любила ее и часто надевала.

Маверик, надо отдать ему должное, не утратил связи с дочерью, хотя виделся с ней не так часто, как хотелось бы Элизе. Она сама не желала иметь с бывшим мужем ничего общего, но никогда не упрекала Аврору за то, что та общается с отцом. Впрочем, отношения дочери и бывшего мужа ее как бы и не касались. Элиза замерла на месте и нахмурилась. Вот уже два раза за сегодняшнее утро она вспоминает Маверика. Она его, конечно, не забыла – да и как можно о нем забыть, если внук вылитый дедушка, – но редко позволяла себе помечтать о нем. Ей не хотелось вспоминать дни и ночи любви.

Причесавшись, она сделала пучок на затылке. Элиза очень гордилась своей густой гривой, как она ее называла. И ни одного седого волоса! Снова рука застыла в воздухе, а сердце невольно сжалось. Она вспомнила: Маверик очень любил, когда она распускала волосы. На работе, в библиотеке, она носила тугий пучок, но в конце дня он первым делом

вынимал из ее прически шпильки, и тяжелые пряди падали на плечи. «Рапунцель, Рапунцель», – шептал он, и она улыбалась... Досадуя на себя, Элиза поджала губы. С чего это она сегодня то и дело вспоминает бывшего мужа?

Когда Элиза вошла на кухню, Аврора разливала молоко в миски с кукурузными хлопьями.

– Отлично выглядишь, мама, – заметила она.

Элизу всегда смущали комплименты, вот и сейчас, услышав похвалу из уст дочери, она покачала головой.

– Учитесь хорошо, – велела Элиза внукам, открывая парадную дверь.

Они смерили ее укоризненными взглядами, как будто она бросала их одних в лесу. Элиза обожала мальчиков, но искренне не представляла, как Авроре удастся справляться с ними и с хозяйством. Она восхищалась своей дочерью – образцовой женой и матерью.

Элизе самой, как ей часто казалось, не удалось стать ни той ни другой. Для роли жены она, наверное, просто не создана, что подтвердили два года замужества. Семейная жизнь рухнула с треском; из-под обломков удалось спасти ее единственное сокровище – Аврору. Дочь, такая же высокая, как отец, под метр восемьдесят, стала ей наградой за все страдания. Хотя Элиза не всегда это признавала, она во многом выросла вместе с Авророй. К счастью, они с дочерью отлично ладили.

Маверик честно присылал каждый месяц деньги – посо-

бие на ребенка. Время от времени, вспомнив о том, что у него есть дочь, звонил Авроре из разных уголков света, куда заносила его судьба. Почти сразу после свадьбы Маверик бросил нормальную работу, хотя был на хорошем счету, и посвятил себя азартным играм. Естественно, семья ему только мешала. Профессиональный игрок не стремится пустить корни, жить оседло. Куда уж там заботиться о жене и детях! Даже когда Элиза рожала, любящий муж затеял партию в покер в зале ожидания и пропустил появление на свет своей единственной дочери.

Элиза села на сорок седьмой автобус и поехала на Цветочную улицу. Вышла она за три остановки до суперсовременной Сиэтлской публичной библиотеки, ставшей одной из достопримечательностей города. За годы работы в школьной библиотеке Элиза познакомилась со многими своими влиятельными коллегами, в том числе с Нэнси Перл, директором Центра книги штата Вашингтон при Сиэтлской публичной библиотеке, которая придумала программу под названием «Если бы весь Сиэтл читал одну и ту же книгу». Ее замысел всем понравился, и примеру Сиэтла вскоре последовали другие большие и малые города по всей стране. Элиза радовалась, что чтение по-прежнему остается любимым досугом многих. Значит, библиотека остается важной частью жизни общества.

Выйдя из автобуса, она крепко прижала к себе сумочку. Когда-то этот район пользовался дурной славой из-за оби-

лия карманников и уличных грабителей. Похоже, сейчас все изменилось, но осторожность еще никому не повредила.

Дойдя до цветочного магазина, она остановилась полюбоваться необычными фиолетовыми гвоздиками. Раньше она никогда не видела гвоздик такого цвета; ей захотелось купить букет для Авроры. Правда, не в ее положении транжирить деньги на цветы, и все-таки... Элиза вздохнула. Она подумает.

В витрине магазинчика пряжи дремал, свернувшись клубочком, полосатый кот. Элиза толкнула дверь, зазвенел колокольчик. Кот, очевидно привыкший к звону, даже ухом не шевельнул.

– Доброе утро! – приветствовала ее симпатичная женщина за прилавком. Еще одна женщина, постарше, дружелюбно кивнула Элизе.

– Доброе утро.

Приветливость владелицы сразу согрела Элизе душу. Внутри магазинчик оказался очень симпатичным. Товар разложен очень продуманно, все образцы пряжи можно рассмотреть, подержать в руках.

– Я насчет курсов вязания, – сказала Элиза, у которой разбегались глаза. Какой богатый выбор! Все цвета, все оттенки, пряжа любого типа... Наверху в шкафах-витринах помещены вязанные вещи, искусно закрепленные на проволочных вешалках. Внимание Элизы привлек детский свитер с вывязанным спереди динозавром. Люк и Джон придут от такого

в восторг... Может, когда-нибудь она и свяжет внучатам по свитеру.

– На этой неделе у нас запись на курс вязания носков.

– Носков? – неуверенно повторила Элиза. Вот уж не ожидала... – Когда-то, очень давно, я вязала носки на чулочных спицах...

– Вот эти связаны на круговых.

Владелица подвела Элизу к среднему шкафу-витрине, и та увидела красивые носки, надетые на пластмассовые «ножки».

– Вот, смотрите, что я имею в виду.

Элизе показалось, что узоры у этих носков очень сложные – ей в жизни таких не освоить. Она не занималась рукоделием много лет, не хочется сразу начинать с трудностей.

Элиза уже собиралась вежливо отказаться, но хозяйка магазина объяснила, что узор определяется самой пряжей.

– Хотите сказать, мне не придется ничего выдумывать, только вязать?

– Совершенно верно. Это специальная меланжевая пряжа, так называемая фантазийная. Узор получается сам собой. – Владелица сообщила, сколько стоит курс обучения и в какой день будут проходить занятия. – В цену входит и все необходимое: пряжа, спицы и фурнитура. Кстати, меня зовут Лидия Хоффман, а это – моя сестра Маргарет. Она работает со мной.

– Элиза Бомон, – представилась Элиза и улыбнулась сест-

рам. Вглядевшись, она сразу заметила семейное сходство. Маргарет, старшая, крупнее и шире в кости, а Лидия хрупкая, с тонкими чертами. Но овал лица у них одинаковый: у обеих выступающие скулы и большие карие глаза. Опомнившись, Элиза смутилась: так пристально разглядывать людей неприлично! Она поспешила пояснить: – Я недавно вышла на пенсию. Вот хочу снова начать вязать.

– Замечательно! Просто великолепно!

Воодушевление Лидии оказалось заразительным, и Элиза невольно улыбнулась. Маргарет отвернулась и занялась делами; судя по всему, она изучала каталоги и заполняла бланки заказов.

– По-моему, курсы – отличное место для начала, – сказала Элиза.

Лидия кивнула:

– Я очень рада, что вы заглянули к нам. – Она показала в сторону подсобного помещения, где стояли стол и стулья. – Если по пятницам во вторую половину дня вы свободны, приходите и на наши благотворительные посиделки.

– Еще один курс? – забеспокоилась Элиза: она могла позволить себе только один.

– Не совсем. Платы за обучение нет. Несколько моих постоянных учениц каждую неделю собираются и вяжут вещи для разных благотворительных фондов и программ. Будем рады видеть вас здесь, Элиза. – Лидия рассказала ей о программе «Согреем Америку» и проекте «Лайнус», участники

которых вяжут пледы и шьют одеяла для больных детей, и о программе «Кемокэп», в соответствии с которой мастерицы вяжут шапочки для пациентов, проходящих курс химиотерапии.

– Вы пряжей обеспечиваете? – спросила Элиза, снова вспомнив о своих ограниченных средствах.

– Да, – кивнула Лидия. – По крайней мере частично. Для участников программы «Согреем Америку» пряжу бесплатно присылают спонсоры. Кроме того, все, кто участвует в благотворительных программах, покупают в нашем магазине пряжу со скидкой.

– Может быть, я к вам присоединюсь.

Элиза как раз искала, чем бы ей заполнить свободное время, потому что не любила сидеть сложа руки. Пока она вступила только в клуб книголюбов, который раз в месяц собирался в филиале Сиэтлской публичной библиотеки, и помогала своей приходской церкви – распространяла информационные бюллетени. Кроме того, по понедельникам до полудня Элиза дежурила в центре переливания крови при местной больнице.

– Так вы хотите записаться на курс вязания носков? – спросила Лидия. – Не сомневаюсь, вам понравится!

У Элизы снова потеплело на душе от дружелюбия собеседницы.

– Да, наверное... – Она открыла сумочку и достала чековую книжку. – Сколько человек будет в группе? – спросила

она, подписывая чек.

– Я бы хотела ограничиться шестью.

– Много народу уже записалось?

– Пока нет, но я вывесила объявление только утром во вторник. Вы – первая.

– Первая, – повторила Элиза. Почему-то – она могла только догадываться почему – она обрадовалась, узнав, что оказалась первой.

Надо будет все же купить те цветы для Авроры.

Глава 3

БЕТАНИ ХЭМЛИН

Все должно было быть не так, сокрушалась Бетани Хэмлин, выруливая на дорожку, ведущую к дому. Особняк, в котором она жила, построили на сиеэтлском Капитолийском холме в тридцатых годах двадцатого века, еще до того, как решили, что из-за угрозы землетрясений строить здесь из кирпича опасно и бесперспективно. Бетани влюбилась в особняк с первого взгляда. Короткая подъездная аллея круто поднималась в гору и заканчивалась у ворот встроенного гаража. На крыльцо нужно было подниматься по высоким бетонным ступенькам, а парадная дверь оказалась скругленной, как в сказочном домике. Фасад завершался треугольным фронтоном, в котором располагалась спальня. Оттуда открывался изумительный вид на весь квартал. Бетани часто сидела у окна с книгой или просто мечтала. Именно в этом красивом доме она когда-то вела замечательную, почти идеальную жизнь. Совсем как в сказке...

Она заглушила мотор, но еще долго не выходила из своего пятилетнего «плимута». Она обязана собраться с силами и войти в дом с улыбкой на лице! Наконец, глубоко вздохнув, Бетани вышла из машины и взяла с заднего сиденья пакеты с продуктами.

– Я пришла! – крикнула она, открывая парадную дверь. Она изо всех сил старалась не выдать беспокойства.

Тишина. Ей сразу стало легче.

– Эндрю! Энни!

Она прошла на кухню, поставила покупки на рабочий стол, налила в чайник воды и поставила его на плиту. До развода она не особенно любила чай, но в последний год прирастилась к нему – за день приходилось кипятить чайник два, а то и три раза.

– Я пришла, – на всякий случай повторила она, но ответа снова не последовало.

Через несколько минут чайник засвистел, Бетани залила кипятком пакетики с чаем «Эрл Грей» в керамическом заварочном чайнике, принадлежавшем еще ее бабушке, и поставила заварку на барную стойку.

Сидя в маленькой нише, она пыталась собраться с мыслями. Вспоминала все, что пришлось пережить ей и детям в последние два года. Все пошло наперекосяк. Как будто за весной вдруг наступила осень, а не лето. Или как будто вместо солнца на небе постоянно стояла луна... Она до сих пор не до конца понимала, что с ними случилось – и почему.

Все началось полтора года назад, утром в День святого Валентина. Дети уже проснулись и собирались в школу – каждый в своей комнате. Немного раньше, услышав, что Эндрю и Энни ссорятся из-за того, кто первый пойдет в туалет, Бетани накинула халат и пошла на кухню готовить завтрак.

Уже подойдя к двери, она заметила, что муж сидит на кровати, закрыв лицо руками. Вначале Бетани подумала, что у Гранта грипп. Обычно он вскакивал с постели раньше ее и собирался на любимую работу. Грант трудился в преуспевающей компании по торговле недвижимостью. Его заработки позволяли Бетани сидеть дома и заниматься детьми. Сначала у них родился Эндрю, а через год и месяц после него – Энни. Тогда-то Бетани пришла к выводу, что должна посвятить себя воспитанию детей. Грант ее поддержал. Ему нравилось, что жена всегда дома, что она с утра до ночи заботится о нем и детях. А еще Бетани славилась своими зваными ужинами, которые часто устраивала для его коллег.

– Грант! – воскликнула она, совершенно не подозревая, что последует дальше.

Он поднял голову, и Бетани увидела в его глазах такую боль, что присела на кровать и положила руку ему на плечо.

– Что случилось? – ласково спросила она.

Грант словно лишился дара речи. Он открыл рот, словно собирался что-то сказать, но слов Бетани не услышала.

– Мама! – позвала снизу Энни. – Помоги, пожалуйста!

Сердце болело за мужа, но и дочери тоже нужно помочь. Бетани сжала Гранту плечо:

– Сейчас вернусь.

На самом деле она вернулась не сразу, а минут через десять, когда Эндрю и Энни благополучно ушли в школу.

Войдя, она увидела, что Грант сидит в той же позе и так

же безучастно смотрит на нее.

– В чем дело? – прошептала она, напряженно гадая, что могло стрястись.

Неделю назад Грант проходил медосмотр; результаты как будто были нормальные, но не все анализы пришли сразу. Может быть, доктор Лайман что-то нашел, а рассказать ей об этом Грант может только теперь? Она снова присела рядом с мужем, скрипнул матрас.

– Сегодня День святого Валентина, – произнес Грант хриплым голосом, не похожим на обычный.

Бетани поцеловала его в щеку, но он словно окаменел.

– Грант, прошу тебя, расскажи, что случилось.

И вдруг он разрыдался – громко, со всхлипами. Бетани прожила в браке двадцать лет, но не помнила, когда ее муж так бурно проявлял свои чувства.

– Я н-не хочу делать тебе больно! – заикаясь, выговорил он.

– Да в чем дело?

Он схватил ее за плечи, развернул к себе.

– Бетани, ты очень хорошая, но... – голос его дрогнул, – но я больше тебя не люблю!

Сначала она решила, что муж шутит, и даже хихикнула.

– О чем ты? Что значит – больше не любишь? Грант, мы с тобой женаты двадцать лет. Конечно, ты меня любишь!

Он закрыл глаза, как будто смотреть на нее было выше его сил.

– Нет, не люблю. Мне очень, очень жаль, я делал все, что мог... Выбивался из сил. Больше так продолжаться не может... Не могу выносить этот фарс!

Бетани застыла, точно громом пораженная, и посмотрела на Гранта в упор. Перед ней сидел мужчина, которого она любила, с которым много лет спала в одной постели. Неожиданно, в мгновение ока, он стал для нее чужим.

– Что случилось? – робко спросила она.

– Прошу тебя, не вынуждай меня во всем признаваться, – взмолился он.

– В чем признаваться? – Бетани еще ничего не поняла, и слова мужа привели ее в замешательство. Она не разозлилась, не обиделась, а сразу же принялась искать выход из положения. Любую беду можно поправить – все равно как починить текущий кран или прочистить засорившийся слив. Надо только вызвать сантехника или электрика. Все, что идет не так, нуждается в надлежащем внимании, а потом все снова заработает, как прежде.

– Есть причина, почему я больше тебя не люблю, – сквозь зубы процедил муж, отшвыривая одеяло и вставая.

Резкий переход от слез к раздражению застал Бетани врасплох.

– Грант, да что с тобой? Что на тебя нашло?

Он резко застегнул «молнию» на брюках.

– Ты в самом деле такая тупая? Неужели обязательно называть все своими именами?

– Что называть своими именами? – спросила Бетани, простодушно разведя руки в стороны. Пусть говорит что хочет, только не так грубо...

Он замер, не успев сунуть руку в рукав рубашки, и ровным тоном, не глядя на нее, ответил:

– Я люблю другую.

Наконец-то до Бетани дошло, наконец-то она все поняла.

– У тебя... любовница? – Она словно оцепенела, во рту сразу же пересохло, а язык словно увеличился вдвое, отчего ей стало трудно говорить. Нет, не может быть! Она отказывалась верить... Грант не способен вот так предать ее! Если бы он ей изменил, она бы сразу поняла! Мужчины заводят любовниц в кино и в книгах. Такое всегда случалось с другими женщинами, в других семьях, но не с ней. Муж собирався на работу, а Бетани все никак не могла сложить картинку из кусочков.

– Когда? Как? – запинаясь, выговорила она.

– Мы познакомились на работе, – ответил Грант. – Она тоже агент по недвижимости, недавно поступила к нам на службу. – Он тяжело вздохнул. – Я старался все уладить, но ничего не вышло. Мне не хотелось, чтобы у нас с тобой дошло до этого... – умоляюще произнес он и тут же не выдержал: – Черт побери, все и так запуталось, а тут еще ты! – Он рывком открыл дверцы шкафа, достал чемодан и положил его на кровать.

– Ты что... уходишь?

Вместо ответа, Грант принялся выдвигать ящики комода и доставать оттуда свою одежду. Бетани, часто моргая, следила, как он швыряет на дно чемодана стопку аккуратно сложенных нижних рубашек. Грант всегда требовал, чтобы его футболки складывались определенным образом. Он весьма придирчиво относился к собственной внешности – причем не только к прическе и одежде.

– Куда... куда ты пойдешь? – Голова распухла от вопросов, но первым Бетани, конечно, выкрикнула самый неподходящий и несущественный.

– Перееду к Тиффани.

– Тиффани? – повторила Бетани. Странно, но, несмотря на весь трагизм положения, ей вдруг стало весело. – Ты бросаешь меня ради женщины, которую зовут Тиффани?!

Грант посмотрел на нее как на умалишенную. Возможно, тогда она действительно слегка тронулась рассудком.

– Убирайся! – велела Бетани, величественно взмахнув рукой. – Вон отсюда!

Словно подкрепляя свою решимость, она побежала в подвал еще за одним чемоданом, побольше, и с трудом приволокла его наверх, в спальню. Бегая по лестнице, она напрягала память, пытаясь вспомнить, как выглядит эта Тиффани. Вроде бы они не встречались. Хотя среди коллег Гранта женщин хватало, Бетани не подозревала, что он способен на такое вероломство. Она совсем запыхалась, взбравшись на второй этаж с тяжеленным чемоданом, но даже не останови-

лась отдышаться. Гнев толкал ее вперед.

Она с размаху бросила второй чемодан на кровать; белое покрывало сразу же покрылось облачком пыли, но Бетани сейчас было все равно. Она распахнула дверь гардеробной, выхватила все костюмы мужа и, не снимая с плечиков, бесцеремонно затолкала в чемодан.

– Бетани! – закричал Грант. – Прекрати!

– Нет!!! – крикнула она во всю силу легких. Опомнившись, поинтересовалась: – И долго это у вас с Тиффани продолжается?

Грант молчал.

– Кстати, сколько ей лет? – не сдавалась Бетани. Начав расспрашивать, она уже не могла остановиться. – Она тоже замужем или бросают только меня?

Грант упорно отводил глаза в сторону.

– Давно?

Грант снова отвернулся. Бетани продолжала складывать его вещи. Сначала просто запихивала все как попало, но потом привычка взяла верх, и она начала встряхивать пиджаки, брюки и рубашки, разглаживать, складывать аккуратно...

– Месяц? Два? Чем же она тебя приворожила?

– Бетани, не надо.

– Давно вы вместе? – Бетани понимала, что не успокоится, пока не узнает правду.

– Два года. – Грант снова тяжело вздохнул, как будто черствость жены больно ранила его нежную душу.

– Два... года?! – Бетани охватила ярость. – Вон отсюда! Немедленно!

Он кивнул.

– Чтобы духу твоего здесь не было!

Бетани не шутила. Правда, вскоре ей уже отчаянно захотелось, чтобы Грант вернулся. Сейчас она невольно поежилась, вспоминая, как настойчиво пыталась вернуть любовь мужа. Она была готова на все: ходить к семейному психотерапевту, поговорить с мужем по душам, просить его, умолять, умасливать... В какой-то момент перед началом бракоразводного процесса она охотно отдала бы десять лет жизни за то, чтобы Грант вернулся в семью.

Но, уйдя из дома и поселившись у Тиффани, Грант ясно дал понять, что возвращаться не собирается. Поняв это, Бетани едва не умерла. Со временем она свыклась с мыслью, что Грант больше не вернется. Он ее разлюбил, и никакие ее слова и поступки его решения не изменят.

Ее брак приказал долго жить – как и ее самооценка. Бетани не знала, как бы она выжила, если бы не дети. Она была нужна Эндрю и Энни больше, чем когда бы то ни было, и продолжала жить только ради них.

Наконец она обратилась к адвокату. Как ни странно, его откровенность и практические советы очень ей помогли. Им удалось договориться об условиях развода. Грант выплатил третий взнос за дом, возместил расходы на машину и оплатил счета по кредитным картам. В общем, их совместная

жизнь завершилась без долгов. По суду его обязали платить бывшей жене алименты в течение двух лет и перечислять пособие на детей до тех пор, пока они не закончат школу. Расходы на обучение в колледже супруги обязались выплачивать совместно, пополам. Пока Грант еще ни разу не задержал чек, но за выполнением судебного предписания строго следят. Ей же нужно в самом ближайшем будущем найти работу... Бетани старалась под любым предлогом оттянуть неизбежное.

Прошло уже полгода с тех пор, как они официально развелись, и туман только-только начал рассеиваться. Она твердила себе, что нужно жить одним днем, и училась смиряться с «новой реальностью», как называли ее новое положение родственники и друзья. Трудность в том, что сама она охотнее предпочла бы реальность старую...

Бетани отпила чаю, который уже начал остывать, и вздрогнула, когда дверь черного хода распахнулась настежь и с улицы на кухню вбежала шестнадцатилетняя Энни в коротком спортивном топики и шортах из спандекса. Девочка покраснела, вспотела, к щекам прилипли прядки волос. Сразу видно, только что с пробежки. Энни всегда была отцовской любимицей, поэтому она восприняла развод родителей особенно тяжело. Она занялась бегом вскоре после ухода Гранта; пробегала по восемь – десять километров в день. Если бы пробежками дело и ограничилось... Бетани куда больше волновало, что у дочери появились новые друзья, которые ей

совсем не нравились.

Бетани подозревала, что ее дочь попала в плохую компанию. Девочка очень злилась на Тиффани и делала неловкие попытки ей отомстить; Бетани подозревала, что Энни подстрекают новые друзья. Хотя сама Бетани была не в восторге от новой избранницы мужа, которая, как выяснилось, была моложе его на пятнадцать лет, она боялась, что Энни, желая отомстить, наделает глупостей и, не дай бог, попадет в полицию.

Эндрю несколько раз рассказывал Бетани о выходках сестры. Среди прочего Энни от имени Тиффани звонила в редакции журналов, которые собирали добровольные пожертвования, и подписывалась на крупные суммы. Она сообщала сотрудникам ее фамилию, адрес и номер телефона. Когда Бетани поднимала щекотливый вопрос, Энни отделывалась презрительным молчанием.

– Ты не оставила записки, – мягко пожурела дочь Бетани.

Энни подошла к холодильнику и достала оттуда бутылку с водой.

– Извини, – буркнула девочка, хотя видно было, что она ничуть не раскаивается. Энни отвернула крышку, запрокинула голову и разом выпила полбутылки воды. – Я думала, ты и так знаешь, где я. Я ведь бегаю каждый день.

Бетани об этом действительно знала, но дело было в другом.

– Ну как, съездила в бюро по трудоустройству? Удалось

что-нибудь найти? – поинтересовалась дочь.

Бетани вздохнула. И зачем только Энни ей напомнила!

– Вообще-то нет. – Она догадывалась, что поиски работы могут затянуться, но понятия не имела, насколько ей будет тяжело. – Как только я заикнулась о том, что хорошо пеку, их сотрудника прямо перекосило.

– Может, тебе походить по пекарням и кондитерским, предложить свои услуги?

Бетани приходила в голову такая мысль, но не очень улыбалось по восемь часов на дню проводить на кухне, в «горячем цеху».

– Нам с Эндрю все друзья завидовали, – с тоской в голосе продолжала Энни. – Ты устраивала нам самые потрясающие дни рождения и пекла самые вкусные именинные торты!

– А еще я устраивала самые веселые игры и конкурсы, например «поиски сокровищ». Ну и что? Кому это сейчас надо?

– Да ладно тебе, мама! – Энни закатила глаза.

– Вот кончится лето, и займусь поисками работы всерьез.

– Ты все время откладываешь, – упрекнула ее Энни.

Дочь, конечно, права, но Бетани уже много лет не работала и сомневалась, что кому-то пригодятся ее навыки. Скорее всего, ни на одно хорошее место ее не возьмут, и придется до конца жизни раскладывать товары по полкам в местном супермаркете или спрашивать покупателей, в какой пакет им сложить продукты – в целлофановый или бумажный...

– Может, заняться прямыми продажами, торговать косметикой? – нерешительно сказала она, косясь на дочь. – Там гибкий график, и можно быть самой себе хозяйкой...

– Мама! – Дочь смерила ее гневным взглядом. – Это просто убожество какое-то!

– Многие женщины весьма преуспевают, и потом...

– Прямые продажи, может, дело и неплохое, только не для тебя. У тебя многое отлично получается, но торговать ты не умеешь. Это не твое! Себя надо уважать!

Да уж... Последние полтора года ее самоуважение находилось на отметке ниже нуля.

– Работать в офисе мне бы не хотелось, – продолжала Бетани. Она чувствовала, что не сможет высиживать каждый день в какой-нибудь конторе с девяти до пяти.

– Тебе нужно чем-нибудь заняться для себя, – не сдавалась Энни. – И кстати, я сейчас не о работе!

Все знакомые Бетани, в том числе и психоаналитик, к которому она ходила некоторое время, твердили ей то же самое.

– Яйца курицу учат, – поддразнила она дочь.

– Разве тебе ничем, ну совсем ничем не хочется заняться просто ради удовольствия?

Бетани пожала плечами:

– Ты сейчас опять будешь смеяться и говорить, что это убожество.

– Что «это»?

Бетани вздохнула и нехотя призналась:

– Позавчера я проходила мимо магазинчика, в котором торгуют пряжей, и вдруг мне ужасно захотелось снова вязать. Помнишь, много лет назад я связала тебе плед?

– Мама! – вскричала Энни, поморщившись, как будто мать сказала какую-то глупость. – Еще бы я не помнила! С тем желтым пледом я не расставалась лет до десяти!

– Раньше мне очень нравилось вязать, но это было много лет назад.

Распахнулась и тут же с силой захлопнулась парадная дверь. После работы в местном супермаркете вернулся Эндрю. Войдя на кухню, он снял рюкзак и, не говоря ни слова, открыл холодильник. Очевидно, его там ничего не заинтересовало, потому что вынул он только банку газировки. Закрыв холодильник, прислонился к нему спиной и мрачно воззрился на мать и сестру.

– В чем дело? – спросил он, переводя взгляд с Бетани на Энни.

– Мама собирается снова заняться вязанием, – ответила Энни.

– Не собираюсь, а просто думаю, – уточнила Бетани.

– А что, у тебя получится. – Энни кивнула.

– Ага, – согласился Эндрю, срывая с банки кольцо.

Бетани вовсе не разделяла уверенности детей. Ей казалось, что на все нужно слишком много усилий – на поиск работы, на устройство своей жизни, даже на вязание.

– Может, и займусь, – нерешительно пробормотала она.

– Только не откладывай в долгий ящик, как все остальное. – Энни быстро вынула из чулана справочник «Желтые страницы». – Где находится твой магазинчик?

Бетани прикусила губу.

– На Цветочной улице.

– Название помнишь? – спросил Эндрю.

Энни быстро листала толстый справочник.

– Нет, но послушайте...

Заложив страницу пальцем, Энни подняла голову. Выражение лица у нее сделалось самое решительное.

– Нашла! – Она победоносно улыбнулась брату, схватила телефон, набрала нужный номер и, не давая Бетани времени возразить, сунула ей трубку.

– «Путеводная нить», – отозвался приветливый женский голос на том конце линии. – Чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте... Меня зовут Бетани Хэмлин, хотя, наверное, как меня зовут, сейчас не важно. Я узнала, что... в общем... вы еще не закончили набор на курсы вязания? – Слушая собеседницу, Бетани глубоко вздыхала. – Когда-то я любила вязать, – продолжала она, – но это было очень давно. Наверное, мне лучше приехать самой? – Она повернулась и посмотрела на дочь.

– Дай-ка трубку, – велела Энни и, не дожидаясь ответа, выхватила телефон у матери. – Да, замечательно! Запишите ее! – распорядилась Энни, хватая блокнот, ручку и что-то

записывая. – Да, она придет! – Через полминуты Энни нажала отбой.

– Ты ее записала? – спросил Эндрю.

– Угу.

– Но я... – Бетани вдруг испугалась. Имеет ли она право напрасно тратить деньги? – Слушайте, скорее всего, ничего не получится, потому что...

– Ты научишься вязать носки, – перебила ее Энни.

– Носки?! – Бетани энергично затрясла головой. – Исключено! Это для меня слишком сложно!

– Мама, – вмешался Эндрю, – помнится, раньше ты все время вязала...

– Владелица магазина – ее, кстати, зовут Лидия Хоффман – уверяет, что научиться вязать носки совсем нетрудно, – поддержала брата Энни. – И даже наоборот, очень просто.

– Н-ну... может быть, – нехотя согласилась Бетани.

– Ты туда поедешь, мама! Отказов я не принимаю.

– Ты поедешь, – вторил сестре Эндрю.

Бетани очень удивилась. Когда они с детьми успели помянуться ролями? Наверное, пока она ни на что не обращала внимания.

Глава 4

КОРТНИ ПУЛАНСКИ

Кортни считала, что отец поступил несправедливо по отношению к ней. И вообще, то, что он придумал, просто нелепо! Да, в недавнем прошлом она натворила глупостей – стала хуже учиться, грубила учителям. Все могло закончиться гораздо печальнее, если бы, например, полиция дозналась, кто четыре года назад поджег мусорный контейнер. И все же... кто бросит в нее камень? Четыре года назад погибла мама. Кортни целыми днями плакала, злилась и не находила себе места. Постепенно все наладилось – правда, ей так и не удалось до конца сжиться с потерей. Что бы там ни говорили несведущие друзья и подружки, горечь утраты она, наверное, никогда не перерастет. Постепенно она взяла себя в руки, занималась с утра до ночи, догнала класс. И вот вам пожалуйста... Только этого не хватало!

Последний школьный год ей предстоит провести в Сиэтле, у бабушки Пулански. Все ее друзья детства будут вместе праздновать окончание школы, ее же отослали на другой конец страны. Хотя бабушку Кортни любила, она искренне не представляла, как проживет у нее целый год.

Другого выхода нет. Кортни не с кем оставить, пока отец будет строить мост в Бразилии. Ехать с ним тоже нельзя –

в тех краях молодой девушке находиться небезопасно. Так сказал ей папа.

Джейсон, ее старший брат, учится в магистратуре и подрабатывает преподавателем в летней школе. Сестра Джулианна перешла на третий курс, а на каникулах тоже подрабатывает на одной аляскинской турбазе. Кортни – самая младшая. Учеба брата и сестры требует денег, причем расходы все время увеличиваются. Проще говоря, отцу нужны деньги, иначе он подождал бы с бразильской командировкой, пока Кортни не закончит школу. В университете ей вряд ли дадут стипендию... К сожалению, учится она средне, и ждать, что не придется платить за обучение, для нее примерно то же самое, как надеяться выиграть в лотерею. Иными словами, отцу очень скоро придется оплачивать и ее высшее образование. Поэтому, все обдумав, папа решил, что Кортни поедет в Сиэтл.

Сейчас все было бы по-другому, не погибни мама в той нелепой автокатастрофе. Хотя мама умерла четыре года назад, Кортни до сих пор кажется, будто все произошло только вчера.

– Кортни! – окликнула ее снизу бабушка. – Ты уже встала?

– Да, бабушка. – Как тут не проснуться, если в пять утра она включает телевизор на полную громкость? Бабушке нужен слуховой аппарат, только она упорно отказывается признаться в своей глухоте. По мнению Веры Пулански, слышит она нормально, а вот все окружающие – все до единого! –

лишь неразборчиво мямлят.

– Завтрак почти готов! – прокричала бабушка. Кортни посмотрела в потолок и тяжело вздохнула.

– Я не хочу есть!

– Самое главное – хорошо позавтракать!

Она прожила у бабушки уже неделю, и седьмое утро кряду они ведут один и тот же разговор.

– Позже позавтракаю! – обещала Кортни.

На завтрак бабушка регулярно потчевала ее омлетом, поджаренным без масла и жестким как подошва. Наверное, она смотрелась телепередач о сальмонеллезе и наслушалась советов, как обезопасить себя и близких. По мнению теледокторов, чтобы яйца сделались безвредными, их нужно или варить три часа, или жаривать со всех сторон. В результате бабушкины омлеты на вкус напоминали резину. Нет, Кортни никогда не жевала резину, но при взгляде на тарелку ей казалось, что вкус такой же.

– Терпеть не могу выбрасывать продукты!

– Извини, бабушка.

Со дня своего приезда Кортни уже столько раз пропускала завтрак! Она надеялась, что за счет этого сильно похудела, но ее надежды не оправдались. Совсем недавно она взвешивалась, но стрелка упорно отказывалась двигаться в обратном направлении. Она взвешивалась после душа, не одеваясь. Весы в ванной у бабушки оказались древними как мир. Она закрыла глаза, а потом посмотрела на шкалу, которая

словно расплылась в издевательской ухмылке. Видимо, бабушке невдомек, что весь мир давно перешел на цифровые весы. В общем, Кортни не только не похудела, но, наоборот, поправилась на полкило! Ей захотелось плакать. И без того страшновато идти в новую школу. Но входить в новый класс толстой еще ужаснее.

– Кортни! – снова позвала ее бабушка снизу.

– Что, бабушка?

Сегодня Вера, очевидно, не собиралась сдаваться.

– Мне нужно ненадолго выйти по делам.

– Ладно!

– Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Тяжело вздохнув, Кортни села на кровати и сгорбилась.

– Можно мне остаться дома? – попросила она. После душа она снова надела пижаму, потому что не понимала, зачем ей вообще одеваться. Во всяком случае, поводов нет.

– Мне очень хочется, чтобы ты пошла со мной. Ты слишком много времени сидишь у себя в комнате!

– Хорошо, бабушка.

– Что ты сказала?

Медленно встав, Кортни подошла к двери и прокричала:

– Сейчас спущусь!

Бабушка улыбнулась и кивнула:

– Вот и хорошо.

Вера Пулански – мировая бабушка; когда она приезжала в гости к ним в Чикаго, Кортни очень радовалась. Но сей-

час все по-другому. Кортни еще ни разу не жила в доме такой пожилой женщины. Ей казалось, что почти все бабушкины вещи можно смело выставлять на антикварный интернет-аукцион.

Кортни вяло натянула джинсы и безразмерную черную футболку с логотипом папиной компании. Когда она спустилась вниз, Вера ласково улыбнулась и погладила внучку по лицу.

– Ты очень красивая девочка. Кортни натужно улыбнулась.

– Я тебя очень люблю, ты моя младшая внучка.

– Да, бабушка.

– Я часто жалею, что Ральф не дожил, не успел как следует с тобой познакомиться.

Дедушка умер, когда Кортни было несколько месяцев от роду.

– Я тоже.

– Ну а теперь я кое-что тебе скажу, только не обижайся. Ведь я тебя люблю!

Кортни ошетинилась, приготовившись к очередному выговору:

– Бабушка, прошу тебя, не начинай... Я сама прекрасно знаю, что мне нужно худеть. Тебе совсем не обязательно говорить мне это, понимаешь? – Кортни не скрывала обиды. В последнее время ей очень не хотелось смотреться в зеркало, но иногда все же приходилось. Да, после смерти мамы она

сильно растолстела. Если раньше спокойно влезала в одежду сорок второго размера, то сейчас приходится носить сорок восьмой и даже пятидесятый! Что с того, что бабушка напоминает ей о грустном из самых лучших побуждений? Неужели она думает, будто сбросить пятнадцать – шестнадцать килограммов легко?!

– Вообще-то я собиралась поговорить совсем о другом. – Бабушка отступила на шаг. – По-моему, тебе нужны друзья.

– По-моему, тоже. – Кортни очень скучала по Чикаго. Она едва не плакала, вспоминая всех, с кем ей пришлось расстаться. И даже родной дом, который сдали на год.

– Солнышко, ты никогда ни с кем не познакомишься, если будешь целыми днями сидеть в своей комнате, – ласково продолжала бабушка. – Тебе нужно больше гулять, где-то бывать...

Против этого трудно было возразить. Кортни опустила глаза.

– Я знаю...

– Пойдем со мной, и я тебя кое с кем познакомлю. Кортни собралась было отказаться, но поняла, что не выйдет. Бабушка взяла ее за руку и потащила на кухню. Тарелка уже стояла на столе. Кортни показалось, что омлет вчерашний. По крайней мере, выглядел он точно как вчера.

– Съездим в библиотеку, потом за продуктами, а под конец – в магазинчик пряжи.

Иными словами, бабушка собиралась похитить Кортни

чуть ли не на весь день.

– Если ты не против, сейчас и поедem. Ты как?

– Хорошо, бабушка. – Чем скорее она сдастся, тем скорее сможет вернуться в свою комнату.

– Только проверю, заперта ли парадная дверь, – сказала бабушка.

На самом деле прошло добрых семь минут, прежде чем они вышли из дому. Проверив парадную дверь, бабушка пошла в ванную – подкрасить губы. Потом решила, что нехорошо оставлять омлет на столе, – она накрыла тарелку пищевой пленкой и поставила в холодильник. Подозрения Кортни подтвердились. Действительно, омлет оказался вчерашним!

– Ты готова? – спросила бабушка, как будто они задержались именно из-за Кортни.

– Конечно, а ты?

– Ох! – воскликнула бабушка. – Сумочку забыла! – Она хихикнула. – Господи! Представляешь, я бы захлопнула дверь, а ключи внутри!

Наконец они все-таки вышли. Машина, стоящая на дорожке рядом с домом, была настоящим музейным экспонатом. По словам отца, «форд-универсал» 1968 года выпуска находился в прекрасном состоянии. А как же иначе? Машине почти сорок лет, а на спидометре чуть больше ста тысяч километров... Дверца весила целую тонну и открывалась с громким скрипом. Кортни молча села на переднее пассажирское сиденье.

Ездить с Верой на машине оказалось довольно рискованно. Заведя мотор, бабушка покосилась на Кортни:

– Оглянись. Там никого нет?

Кортни развернулась на сиденье:

– Все хорошо, бабушка!

Вдруг до нее дошло: бабушка просит ее посмотреть назад вовсе не из любопытства.

– Бабушка... а почему ты сама не повернешься и не помотришь?

Бабушка расправила плечи:

– Потому что не могу.

– Что значит – не можешь?!

– Ты что, не слышишь, девочка? Я не могу повернуть голову. Шею растянула... уже двадцать лет назад. Боль адская! В больнице сказали, что медицина бессильна. С тех пор так и мучаюсь. Жаловаться я не люблю, но раз ты спросила...

Хотя оказалось, что ездить с бабушкой небезопасно, Кортни и слова не сказала. А что толку? Несколько дней ей удавалось отвертеться от совместных поездок на машине, но сейчас, видимо, полоса везения закончилась.

Вдруг Кортни забеспокоилась:

– Бабушка, а если бы меня рядом не оказалось? – Она решила, что бабушка выехала бы на шоссе задним ходом просто так, что называется, на авось.

Поджав губы, бабушка обеими руками поправила зеркало заднего вида и повертела его – сначала в одну сторону, потом

в другую.

– А зеркала-то на что?

– Ясно...

– Ну что, поехали, наконец?

Кортни поняла, что бабушка обиделась, и пылко вскричала:

– Конечно, поехали! – Она почувствовала себя виноватой.

Остановившись у первого светофора, Вера повернулась к внучке:

– Кстати, если хочешь похудеть, я знаю, как тебе помочь.

Кортни смерила бабушку подозрительным взглядом:

– И как же?

– Занимайся спортом. Лично я по утрам плаваю с друзьями. Если хочешь, присоединяйся к нам.

Предложение не особенно обрадовало Кортни, но любая физическая нагрузка – не сахар.

– Да, наверное.

– Что «наверное»?

– Бабушка, это выражение такое. Я хотела сказать: с удовольствием. – Кортни, конечно, сильно преувеличивала, но бабушка очень старалась ей помочь, и Кортни понимала, что должна ответить как полагается.

Вера Пулански жила на Холме королевы Анны. Сначала они поехали в библиотеку. По сравнению с домами в том квартале, где жила Вера, библиотека оказалась ультрамодерновой. Бабушка рассказала Кортни, что библиотека совсем

недавно открылась после капитального ремонта. Пока Вера забирала отложенную для нее книгу – последний любовный роман одной местной писательницы, – Кортни листала журналы «Вог», стараясь не впадать в отчаяние при виде худых, элегантных моделей. В конце концов, это только реклама.

Потом они поехали за продуктами. Кортни не знала, сколько народу живет в Сиэтле согласно последней переписи населения, но была уверена, что жителей здесь не меньше нескольких миллионов. И около половины оказались знакомыми бабушки. Их то и дело окликали и останавливали бабушкины подруги, бывшие соседи, прихожане ее церкви... Вера всем представляла внучку; к сожалению, никому из новых знакомых Кортни не было меньше семидесяти.

– А теперь – на Цветочную улицу, – сказала бабушка, когда Кортни погрузила покупки в машину. – Обещаю, я не задержусь.

Кортни очень хотелось напомнить, что то же самое Вера обещала ей перед тем, как они вошли в продуктовый магазин, но она прикусила язык. После того как Вера поболтала еще с семью приятельницами на парковке, они наконец отъехали от магазина. Вера долго парковалась на угловой стоянке перед магазинчиком под названием «Путеводная нить». Пришлось буквально втискиваться на место: сантиметр вперед – тормоз – еще сантиметр – снова тормоз. Кортни заранее могла предсказать, чем все кончится, но бабушка превзошла все ее ожидания. Они ударились о паркомат, и Корт-

ни сильно потрянуло.

– Ах ты... – прошептала бабушка.

Возможно, Вера Пулански других бранных слов просто не знала, Кортни могла бы значительно расширить бабушкин лексикон.

Кортни вылезла из машины, с трудом захлопнула тяжеленную дверцу и поплелась в магазин следом за бабушкой. Войдя, она сразу же увидела лежащего на подоконнике кота и принялась его гладить.

– Здравствуйте, Вера. Как дела? – спросила бабушку молодая женщина хрупкого сложения.

– Лидия, рада вас видеть. Это моя внучка Кортни. Кортни, это Лидия.

– Здравсте. – Кортни помахала рукой в знак приветствия.

– Ты умеешь вязать? – спросила ее Лидия.

– Так... немножко, – пожала плечами Кортни.

– Я сама ее учила – правда, давно, – похвасталась Вера. – Она все схватывает на лету!

Кортни ничего подобного не помнила, но перечить бабушке не хотелось.

– В этом году Кортни поживет у меня, потому что ее отец уехал работать в Бразилию.

Кортни уже сто раз слышала, как бабушка рассказывает о важности отцовской работы в Южной Америке. Нехотя отойдя от кота, она принялась бродить по торговому залу. Она и понятия не имела, что бывает столько разной пря-

жи. В одном застекленном шкафу ей понравился обалденный шарф-образец, связанный из пряжи разных цветов. Еще она увидела очень красивые вязаные шляпу, сумочку, жилет и свитер.

– Шарф можно связать за один вечер, – сказала Лидия, подходя к Кортни.

– Правда?

– Да. – Лидия широко улыбнулась. – Он вяжется спицами номер девять, и уйдет всего один моток шерсти. Набери пятнадцать петель и провязывай все ряды лицевыми. Вот и все!

– Ух ты! – Хотя Кортни захватила с собой деньги, она все же не спешила с покупками. Двадцати долларов могло не хватить на спицы и пряжу, а у бабушки одалживаться не хотелось.

Через пять минут, пока Кортни рассматривала витрину с образцами связанных носков, Вера выложила покупки на прилавок у кассы. Кортни не знала, что именно сейчас вяжет бабушка, но Вера Пулански каждый вечер сидела со спицами в руках.

– Ты видела носки? – спросила бабушка, когда Кортни подошла к ней.

Кортни кивнула:

– Фантазийная секционка – просто отпад, да?

– И ты можешь связать пару носков.

– Ничего подобного!

– А ты бы хотела? – спросила Лидия.

Кортни задумалась:

– Да, наверное.

– На ее языке это значит «да», – пояснила бабушка. – Запишите ее!

– Куда? – встревожилась Кортни.

– На курсы по вязанию носков, – ответила бабушка. – Пора тебе знакомиться с людьми, выходить в свет, жить полной жизнью.

– С удовольствием запишу тебя, – улыбнулась Лидия.

– Курсы – за мой счет, – добавила бабушка.

Кортни натужно улыбнулась, стараясь изобразить благодарность. Что ж, курсы вязания так курсы вязания... Хорошо, если хотя бы еще одной ученице, кроме нее, окажется меньше девяности.

Глава 5

ЛИДИЯ ХОФФМАН

Не забывайте, носки вяжутся парами. Как достичь совершенства? Вяжите оба носка одновременно и не думайте, что они должны быть совершенно одинаковыми!

Дебора Робсон, модельер, автор книг по вязанию, издатель

По выходным я стараюсь навещать маму. После смерти папы ей пришлось нелегко. Нам всем было трудно. Очень жаль, что Брэд не застал папу. Не сомневаюсь, они обязательно понравились бы друг другу. Папа был человеком открытым и дружелюбным, он умел находить в каждом что-то хорошее и ни для кого не жалел ни добрых слов, ни шуток. Ему удавалось рассмешить меня, даже когда мне было совсем плохо. А какой он был замечательный рассказчик! Неужели я когда-нибудь перестану горевать о нем? Проходит время, но я вспоминаю о нем не реже, как могло бы показаться, а, наоборот, чаще.

Мы все как-то учились жить без папы, и маме пришлось особенно тяжело, за последние полтора года она состарилась на десять лет. Она вся как-то сникла и съежилась – не знаю, как лучше выразиться. Постоянно грустит и почти ничем не

интересуется. Да и физически она тоже съежилась, усохла. Тело как будто отражает внутреннее состояние: постоянное горе, скорбь и утрату всех надежд. Она в самом деле стала ниже ростом, что подтвердилось на последнем медосмотре. Сейчас мама на два с половиной сантиметра ниже, чем год назад.

Она сдала анализ на остеопороз, но результатов пока нет. Неожиданно у мамы обнаружилось множество болезней, — по-моему, она слабеет не только из-за скорби, но и из-за своего одиночества. Они с папой жили душа в душу, она привыкла во всем полагаться на мужа.

Хотя это звучит банально, со смертью папы у мамы словно что-то отмерло в душе. Без него она не может жить как раньше. Я все понимаю и до какой-то степени испытываю то же самое. Ведь и я привыкла во многом полагаться на папу.

Сегодня воскресенье; утром, приехав к маме, я нашла ее в саду. Она старательно подрезала розовые кусты. Садик — предмет ее гордости; розы остались одним из немногих, о чем она еще заботится. Кусты, уверяет мама, нужно регулярно подстригать, чтобы они лучше росли. Папину смерть я рассматриваю с той же точки зрения. Потеря помогла мне понять, что для меня важнее всего на свете. Мне нужно было найти свой путь к счастью и привыкнуть к независимости со всеми ее достоинствами и недостатками. Именно потеря отца придала мне смелость расширить горизонты, что я и сделала, открыв собственный магазин. И начав встречаться

с Брэдом.

Я немного постояла на пороге и понаблюдала за ней. Захваченная работой, мама не слышала, как я вошла. От солнца ее защищала широкополая соломенная шляпа, на руки она натянула зеленые садовые перчатки. Сбоку стояло ведро, куда она бросала обрезки. Мне не хотелось ее пугать, поэтому я негромко окликнула ее.

– Лидия! – Мама повернулась ко мне, и мы обнялись. – Я ждала тебя пораньше.

– Я тоже рассчитывала приехать пораньше, но после церкви меня задержали.

– Кто – Брэд и Коди?

Я кивнула:

– Мы договорились встретиться через час. Пройдемся вокруг озера.

Пятикилометровая прогулка – отличная тренировка, а я хожу куда меньше, чем следует. Брэд, в отличие от меня, в прекрасной форме – он может бегать вокруг меня кругами. У Коди есть золотистый ретривер по кличке Чейз; у него ужасная привычка гоняться за всем, что движется. Коди, наверное, возьмет пса на прогулку, но мы строго-настрого запретили ему спускать Чейза с поводка. Надо, наверное, купить книгу по дрессировке собак и вместе с Коди обучить пса основным командам. В общем, день сегодня обещает быть веселым; меня так и подмывало взять с собой ролики, чтобы угнаться за ними двоими – точнее, троими.

Мама дрожащей рукой обрезала еще один побег. В последнее время я стала замечать, что руки у нее дрожат все чаще.

– Что ты ела на обед? – спросила я.

Питается она чудовищно, мы с Маргарет волнуемся за нее. Она явно недоедает, и ей не хватает витаминов. Кроме того, она неаккуратно принимает лекарства. Мы с Маргарет подозреваем, что иногда она пропускает прием таблеток, а иногда принимает двойную дозу.

– Что я ела на обед? – задумчиво переспросила мама.

– Ну да, на обед, – ласково подсказала я.

– Галеты с тунцом. – От радости, что вспомнила, мама наградила меня такой ликующей улыбкой, что я невольно улыбнулась ей в ответ. Однако у меня невольно вырвалось:

– Как, и все?

Она пожала плечами:

– Мне не хотелось... Только не приставай и не требуй, чтобы я ела по часам! Раньше меня точно так же грыз твой отец, но я его не слушала. И тебя сейчас не послушаю.

– Ладно, мама. – Я решила пока сменить тему. И все-таки придется что-нибудь придумать. Например, привозить ей горячую пищу или нанять помощницу по хозяйству – хотя бы на полдня. Если, разумеется, нам по карману такой расход. Надо все обсудить с Маргарет.

– В следующее воскресенье – День отца, – напомнила мама. – Ты свозишь меня на кладбище? Хочу поставить вазу с

моими розами на папину могилу.

– Конечно. И Маргарет поедет, – сказала я, надеясь, что сестра согласится нас сопровождать. Она стала такой обидчивой и раздражительной! В последнее время мы вроде бы стали ближе друг к другу, но сейчас близость растаяла, испарилась, как лужица на жарком солнце. Не знаю, что у нее там случилось, но делиться со мной она не хочет. Откровенно говоря, мне очень обидно. Конечно, по сравнению с тем, что было, наши отношения значительно улучшились, но в таких случаях, как сейчас, я понимаю, что до идеала еще далеко.

Мама вдруг как-то разом ослабела и, с трудом подойдя к креслу, опустилась в него. Затем она сняла шляпу и вытерла пот со лба.

– Ну и жара!

Я посмотрела на термометр, который папа давным-давно прикрутил к наружной стене. Плюс двадцать три градуса. Надо же! Я и не подозревала, что сейчас так тепло. Конечно, мама уже давно работает в саду – целый час, а то и два.

– Мама, давай съездим в ресторан, – предложила я, думая, что ужин вне дома доставит удовольствие нам обоим.

– Нет, детка, спасибо. Я не голодна. После мессы мы с Дороти Уоллес пошли в блинную, которую держат «Рыцари Колумба»¹ и наелись там до отвала.

¹ «Рыцари Колумба» – католическая общественная организация, поддерживающая ряд благотворительных программ.

Поясняю: если мама говорит, что она «наелась до отвала», значит, позавтракала она одним крошечным блинчиком без масла и сиропа. На обед она ела галету с тунцом, а ужинать, наверное, вообще не станет.

– Звонила Маргарет. Они с девочками заедут попозже. На душе у меня полегчало. Маргарет непременно уговорит маму хоть что-нибудь съесть.

– Ей нравится работать вместе с тобой, – продолжала мама. – Она, конечно, не любит вслух выражать свои чувства, но поверь мне: ей очень нравится, что вы теперь трудитесь вместе.

Я задумалась. Стоит ли делиться с мамой тревогой за сестру? Наверное, нет. У меня самой после недавнего разговора с Брэдом мысли о Маргарет не выходили из головы. Пожалуй, не стоит волновать маму. Она непременно передаст Маргарет, что я тревожусь за нее, и сестра придет в ярость – она отчитает меня за то, что я обсуждала ее с мамой, и не успокоится еще очень долго.

– Тебе что-нибудь принести? – спросила я. Мама рассеянно улыбнулась:

– Я бы выпила холодного чая.

Я вошла в дом и налила нам по стакану, бросив в каждый по дольке лимона. Несколько лимонов во фруктовнице уже высохли, я выкинула их, не говоря маме. Внимательно изучила содержимое ее холодильника. Нашла пакет молока, срок годности которого истек месяц назад, и пачку растаяв-

шего шпината. Их я тоже выбросила. Когда я снова вышла в патио, мама уже надела шляпу и сидела, повернувшись к солнцу спиной.

Я присела рядом и протянула ей холодный чай, подставив лицо теплему солнышку и слушая птичий щебет и тихий шелест дождевальной установки на газоне.

– Расскажи о своем магазине, – попросила мама. – На этой неделе ты получала новую пряжу?

Особенно ей нравилось слушать о моих постоянных посетительницах. Со многими из них я очень подружилась, особенно с Жаклин, Кэрол и Аликс, моими первыми ученицами. Между нами установились по-настоящему теплые, близкие отношения. Мы дружим вчетвером, и редко выдается неделя, чтобы мы не виделись. По крайней мере, одна или две из них всегда заходят в пятницу, на наши благотворительные посиделки.

Целых двадцать минут я безостановочно рассказывала маме о «Путеводной нити» и вкратце описала трех новых учениц, которые захотели пройти курс вязания носков. Больше всего маму заинтересовала Кортни, семнадцатилетняя внучка моей постоянной покупательницы Веры Пулански.

– Мне хочется раз в месяц устраивать совместные чаепития в складчину, – добавила я, потому что интересно было выслушать мамино мнение. С одной стороны, когда мама в курсе событий, она не чувствует себя такой одинокой. С другой стороны – я всегда доверяла ее суждениям и здравому

смыслу. Она и отцу не раз подавала ценные советы.

– А места у тебя в магазине хватит?

– Да, наверное, если сделать небольшую перестановку. – Когда я только открылась, в магазинчике было достаточно места для большого стола, за которым проходили наши уроки. Постепенно я стала заказывать все больше пряжи, которая заполнила почти все свободное пространство. Сейчас вокруг стола, за которым умещалось шесть человек, стоят несколько шкафов-витрин.

– Ты уверена, что пить чай среди ниток и пряжи – удачная мысль?

Я тоже сомневалась, поэтому сказала нерешительно.

– Я думала, что мы будем сидеть за столом, где я провожу уроки, а закуски составим на столик в кабинете.

Мама неопределенно дернула плечом:

– Не знаю, не знаю... А зачем вообще нужны эти ежедневные чаепития?

Вопрос, конечно, интересный...

– Мне хочется, чтобы мои ученицы лучше познакомились друг с другом. И потом, все невольно вдохновляются, когда видят, каких успехов достигли другие. – Именно поэтому я часто вяжу вещи, которые потом вывешиваю в зале в качестве образцов. – Мама, ты можешь присоединиться к нам, – с воодушевлением продолжала я. – Мы с Маргарет будем очень рады. – Я стараюсь как можно чаще вовлекать маму в наши дела. Мы с Маргарет обе стараемся дарить ма-

ме разные мелочи, чтобы ей было чего ждать и чтобы она не чувствовала себя одинокой.

Судя по тому, как нахмурилась мама, я поняла, что она, скорее всего, меня не слышала.

– Устраивайте свои посиделки, показывайте, кто сколько успел связать, а вот чаепития – это лишнее. Если вам потом захочется поесть или выпить чаю, можно сходить в ресторан.

Мне ее предложение понравилось.

– Спасибо, мама!

Я сразу поняла: мама рада, что я спросила у нее совета. Раньше папа часто советовался с ней, а сейчас ей наверняка недостает возможности кому-то что-то сказать.

Мы поговорили еще полчаса, а потом я уехала на встречу с Брэдом и Коди.

Они ждали меня на стоянке у озера. Чейз рвался с поводка.

– Привет! – кричу я, вылезая из машины. Не одному Чейзу не терпится погулять по травке!

Коди подбегает к моей машине и быстро обнимает меня.

– Ну что, пошли?

Брэд хлопает сынишку по голове:

– Ладно, приятель, только не убегайте от нас далеко, понял? И держи Чейза крепче!

Не успев ответить, Коди пулей срывается с места. Чейз тянет его вперед. Я завидую тому, как быстро Коди умеет перебирать ногами.

Мы с Брэдом тоже начинаем прогулку в довольно живом темпе. Как всегда в погожий выходной день, в парке полно людей с собаками. Мы проходим мимо человека с гитарой, он сидит на траве и наигрывает что-то в стиле кантри. Рядом какой-то малыш гоняется за бабочкой. У самого берега стоят каноэ. Мы с Брэдом шагаем бок о бок, не спуская глаз с Коди и Чейза.

– Как твоя мама? – спрашивает он. Я предупредила, что до прогулки заеду к ней.

Мне не хочется делиться с ним своими тревогами за маму. Слишком долго все объяснять. Вначале лучше поговорить о Маргарет.

– Мама как обычно, – отвечаю я, не слишком уклонившись от истины. – Маргарет и девочки тоже навесят ее сегодня, только попозже. Маме нужно их внимание.

– Кстати, Маргарет что-нибудь тебе говорила?

– О чем? – осторожно спрашиваю я.

Брэд берет меня за руку, наши пальцы сплетаются. Я поднимаю голову и улыбаюсь ему, забыв о Маргарет. В минуты особенной близости меня охватывает такое блаженство, что я едва сдерживаюсь. Как и всякая нормальная женщина, я мечтаю о любви, семье и детях. Онкология заставила меня усомниться в том, что все это у меня будет. И каждый день я благодарю судьбу за Брэда, за то, что он появился в моей жизни, за то, что я любима им, несмотря на все мои несовершенства и недостатки. Он говорит: раз я не один, а целых два

раза победила рак, значит, я двукратная чемпионка. Да, я чемпионка – еще и поэтому мне сейчас невероятно хорошо.

Брэд нарушает мои раздумья:

– По-моему, я знаю, что случилось с Маргарет.

– Знаешь? – Мне почему-то вдруг сразу расхотелось говорить о Маргарет, я предпочитаю продлить мгновения счастья.

– Да. Вчера вечером я случайно встретил Мэтта в хозяйственном магазине.

Мой зять – достойнейший человек. Я считаю, что он отлично уравнивает Маргарет, прирожденную пессимистку. Мэтт не воспринимает жизнь так же серьезно, как она. Он не такой тревожный, как Маргарет, и, что совсем хорошо, совершенно не злопамятный.

– И что сказал Мэтт?

Как-то мы все вчетвером ездили отдыхать. Брэд и Мэтт отлично ладили. Несколько месяцев назад Маргарет пригласила нас с Брэдом на ужин, мы играли в карты до зари. Я надеялась, что мы будем видеться чаще, но пока не получается.

– Он не работает.

– Что значит – не работает? – Сколько я себя помню, то есть лет двадцать, Мэтт трудился в компании «Боинг».

– Это значит, что его уволили.

– Что-о?! Когда?

– Три месяца назад.

– Нет!

Не может быть. Три месяца? И Маргарет целых три месяца молчит как воды в рот набрала! Я цепенею.

– Так он мне сказал. Он упорно ищет работу, но пока не нашел ничего стоящего.

Сердце у меня падает.

– Но как же так... – Я не знаю, что и думать. Бессмыслица какая-то! Я единственная сестра Маргарет – если уж она мне ничего не сказала, кому она может довериться?

– Кажется, Мэтт думал, что мне все известно, пришлось подстраиваться на ходу.

У меня щиплет в носу – так бывает всегда перед тем, как я заплачу. Естественно, глаза сразу наполняются слезами, становится трудно дышать.

– Ты что, плакать собралась?

Я шмыгаю носом и киваю.

– Она могла бы рассказать мне об этом, – хрипло говорю я.

– По крайней мере, теперь ты знаешь, почему она в последнее время сама не своя.

Его слова меня не утешают.

– Я надеялась, что единственная сестра больше мне доверяет. Видимо, я ошибалась. – Я смахиваю слезы, не дав им скатиться по щекам. Теперь понятно, почему Маргарет такая раздражительная и обидчивая! И не только это... Вот уже несколько недель она не покупает себе ни мотка пряжи, ни булочки во «Французском кафе» напротив. Видимо, стара-

ется сэкономить на чем только можно. Я чувствую себя виноватой.

– Мне нужно было понять! – шепчу я. – Давно надо было обо всем догадаться!

– Но как?

Моя сестра не самый открытый человек на свете, и все же я могла бы что-то заподозрить. Может, следовало внимательнее читать газеты – массовым сокращениям в «Боинге» всегда посвящали одну или две статьи. А я ничего не заметила...

– Ты скажешь ей, что все знаешь? – спрашивает Брэд. Я отвечаю не сразу.

– Наверное, нет.

По каким-то причинам, известным ей одной, Маргарет не пожелала со мной делиться. Ну и я не стану давить на нее. Надеюсь, со временем она все же поймет, что я ей не чужая. А до тех пор остается одно: любить ее, не реагировать на ее срывы и ждать, когда она мне доверится.

– Придется, – мягко возражаю Брэд. – Лидия, я хорошо тебя знаю. Ты не сумеешь хранить все в себе, ты не такая!

Я хмурюсь, но понимаю, что он, скорее всего, прав.

Глава 6

ЭЛИЗА БОМОН

Как ни странно, Элиза с нетерпением ждала первого урока вязания. Ничего не сказав дочери, она купила пряжу. Первую пару связанных ею носков она собиралась подарить зятю Дэвиду. Носки – мелочь, но они выражают благодарность за его доброту. Дэвид пустил ее жить к себе в дом на то время, пока в суде решается судьба ее денег. Недавно Элиза получила письмо от своего адвоката. Судя по всему, дело движется очень медленно, и истцам нужно проявить терпение. Элиза до сих пор чувствовала себя униженной. После того как она все так тщательно продумала, ей приходится, пусть и временно, жить с дочерью и зятем!

Вечером в понедельник, накануне первого урока вязания, Элиза сидела во внутреннем дворике и читала. Чтение не надоедало ей никогда. Книги она обожала с детства. Она рано научилась читать. Помнила, как сидела в своей кроватке, сжимая в руках книгу, и ей было очень хорошо. Любовь к чтению часто спасала ее.

Сегодня она наслаждалась «Эммой». Элиза регулярно перечитывала романы Джейн Остин, примерно раз в десять лет. Есть классические произведения, которые хочется перечитывать снова и снова. Особой любовью у Элизы поль-

зовались Джейн Остин, сестры Бронте, Флобер и, конечно, Джордж Элиот. Все они замечательно описывали жизнь женщин и их чувства. И даже сейчас, спустя сто с лишним лет, их романы находят отклик в сердцах читателей. Только Элиза дочитала сцену, в которой мистер Найтли распекал Эмму, как в патио, раздвинув застекленные двери, вышла Аврора.

– Мама, можно поговорить? – нерешительно спросила она, присаживаясь на стул рядом с шезлонгом, в котором, вытянув ноги, устроилась Элиза. В руках дочь держала высокий стакан с холодным чаем, в котором звякали кубики льда. Элиза поняла, что дочь почему-то волнуется.

– Конечно. – Элиза тщательно заложила страницу закладкой и закрыла «Эмму». Судя по тому, как подалась вперед Аврора, она пришла не с пустяками.

– Я хочу поговорить об отце, – сообщила дочь, прекрасно понимавшая, как неприятна матери эта тема.

Элиза всегда настораживалась, едва речь заходила о ее бывшем муже. Маверик – человек очень опасный, скользкий, но до того красивый и обаятельный, что ему невозможно отказать, о чем бы он ни просил.

– Что ж, давай.

Аврора в общих чертах знала, как Элиза познакомилась с Мавериком, как влюбилась в него с первого взгляда и вышла замуж. Их брак не продлился и полутора лет, хотя официально они оформили развод только через два года.

Ах, как он красиво говорил! Элиза не сомневалась, что

Маверик способен очаровать даже гремучую змею. В юности Элиза считала себя дурнушкой. Маверик упорно уверял ее в обратном. Будучи юной и наивной, Элиза радовалась его комплиментам, принимая их за чистую монету. Она верила ему, потому что ей страстно хотелось быть красавицей, – ну а он уверял, что она именно такая и есть. С Мавериком она действительно чувствовала себя обворожительной. К сожалению, она довольно быстро поняла, что ее счастье призрачно.

– Так что там с твоим отцом? – спросила Элиза, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Ты ведь когда-то его любила, да?

Вопрос оказался сложным – Элиза не знала, как ответить. Маверик ворвался в ее жизнь в самом нежном, самом хрупком возрасте, когда гормоны берут верх над здравым смыслом. В то время ей казалось, будто она влюблена, но потом она пришла к выводу, что ею двигало вожделение, а не любовь. Любовь – это долго, на всю жизнь. А то, что объединяло их с Мавериком, иссякло довольно быстро. Хотя после развода прошло уже много лет, а она до сих пор часто видит его во сне и скучает по нему. Чего бы она ни отдала, чтобы ее семейная жизнь сложилась по-другому! Может, у них с Мавериком все получилось бы, найди в себе Элиза силы принять его таким, какой он есть.

К сожалению, она не сумела принять его таким, какой он есть, а потом стало слишком поздно. Много лет подряд он

разъезжал по стране и, по мнению Элизы, бездумно растрачивал свою жизнь. В каком-то смысле и она тоже растратила много лет впустую, с грустью думала Элиза.

— Мама, ты ведь любила его, правда? — взволнованно повторила Аврора.

— Да, любила. — Так любила, что даже сейчас испугалась, вслух признавшись в этом.

Аврора вздохнула, ей как будто полегчало.

— А ведь мы с ним часто перезваниваемся.

Элиза знала, что Маверик и Аврора поддерживают отношения. Хотя бывший муж обитал среди подонков общества, как она предпочитала называть его окружение, и зарабатывал себе на жизнь карточной игрой и бог знает чем еще, он, очевидно, вполне преуспевал. Во всяком случае, он регулярно присылал деньги на содержание Авроры и оплатил ее обучение в колледже.

Помимо положенного детского пособия и платы за колледж, Маверик всегда присылал дочери деньги к дню рождения и на Рождество. Первые семнадцать лет после развода он регулярно, раз в месяц, слал Авроре весточки. Правда, его послания не бывали длинными. В основном он слал открытки, сообщая, где находится, или делясь радостью от очередного выигрыша. Маверiku всегда важно было выигрывать. Более того, выигрыш в карты стал для него самым главным делом в жизни. Он стремился сорвать крупный куш, который позволит ему безбедно жить до конца дней. Насколько

Элиза знала, его мечта пока не осуществилась.

– Если хочешь поддерживать связь со своим отцом, поддерживай, но при чем здесь я? – Элиза недовольно поджала губы. Дочь показывала ей присланные Мавериком открытки, но лучше бы Элиза их не читала. Она боялась, что тем самым расписывается в собственной слабости. Бывший муж ей до сих пор небезразличен, и она до сих пор жалеет о том, чему так и не суждено сбыться.

– Мы с папой беседуем время от времени.

Об этом Элиза тоже знала. Когда Аврора была маленькая, она всегда с волнением ждала отцовских звонков и очень радовалась, услышав его голос. Повзрослев, она не изменила своего отношения. Аврора пока не успела разочароваться в отце, но Элизе больно было думать, что в конце концов дочь, как и ее, ждет крушение иллюзий. Маверик не нарочно причинял боль своим близким. Он просто не считался с чувствами других людей – те, кого он, по его словам, любил, никогда не играли в его жизни главную роль. На него нельзя было положиться. Если он говорил, что вернется домой к девяти, это означало: да, он вернется к девяти, если к тому времени закончится покер. Результат игры влиял на его настроение. Выиграв, он радовался и ликовал, хватал Элизу на руки и кружил по комнатам, водил ее в рестораны, чтобы отметить победу. Проиграв, он погружался в пучину гнева и отчаяния.

– Он едет сюда, мама, – объявила Аврора, глядя Элизе в глаза.

– Едет... – У Элизы закружилась голова. – Куда «сюда» – в Сиэтл?

Аврора кивнула.

– Здесь что, проводится крупный покерный турнир? – Собственно говоря, ей-то что за дело?

– Он едет специально, чтобы повидаться со мной. – Аврора вызывающе вскинула голову.

– Какая... трогательная забота, – ехидно пробормотала Элиза. – Раз в пять или десять лет можно и в доброго папочку поиграть...

– Мама!

– Извини. – Элиза сжала губы. Надо сдерживаться, иначе она наговорит такого, о чем потом пожалеет.

– Никогда не понимала ваших с папой отношений. – Дочь как будто тоже старалась держать себя в руках. – По-твоему получается, что я тебя предаю, потому что продолжаю поддерживать отношения с отцом.

– Неужели? – Слова дочери причинили Элизе боль; она сглотнула подступивший к горлу ком. Она-то хотела лишь одного – оградить Аврору от неизбежного разочарования.

Аврора кивнула, и глаза ее заблестели от слез. Элиза поняла, что дочь говорит правду.

– Прости меня... Я не понимала... что делаю. – Элизу захлестнуло чувство вины.

– Ну да. Пока я росла, ни разу не слышала от отца худого слова в твой адрес. Ни разу! А от тебя, наоборот, я не слы-

шала ни одного доброго слова о нем.

– Неправда! – Элиза очень сильно старалась скрыть от дочери свои чувства по отношению к Маверiku и думала что ей это удалось. Но, взглянув в исполненные боли глаза дочери, Элиза поняла: нет, ничего не получилось. Аврора глубоко вздохнула:

– Мама, надеюсь, мы с тобой не поссоримся? Я не хочу...

– И я не хочу. – Элизе стало стыдно, она похлопала дочь по коленке. – Твой отец – такой, какой есть. Жаль, что не удалось дать тебе лучшего, но это моя ошибка, а не твоя.

– Вот видишь? – воскликнула Аврора. – Ты никогда не говоришь о нем ничего хорошего!

– Не забывай, замужем за ним была я! Я любила Маверика, но мы не были созданы друг для друга.

– Я знаю, он не оправдал твоих ожиданий. Подвел тебя. Он сам так говорит.

– Он подвел и тебя тоже.

– В некотором смысле – да, – согласилась Аврора, – но в других отношениях он оказался замечательным отцом.

Элиза поняла: доказывать что-то Авроре бесполезно. Ей нужно во что-то верить. Другого отца, кроме Маверика, у нее нет; Аврора с детства привыкла, что отца никогда не бывает дома, что он постоянно в отлучках. Наверное, она удивлялась, почему ее отец так много разъезжает по стране, но вопросов матери никогда не задавала.

– Значит, твой отец приезжает в Сиэтл, – сказала Элиза,

возвращаясь к главному. Оцепенение понемногу проходило.

– Да. – Аврора внимательно наблюдала за ней, как будто не зная, чего ожидать.

– Я совершенно не против того, чтобы ты виделась с отцом, – заверила дочь Элиза. – Он ведь еще ни разу не видел внуков!

– Он с нетерпением ждет, когда познакомится с ними. – Аврора снова посмотрела на Элизу как-то выжидательно.

– Я не обязана видаться с ним, – сказала Элиза. Даже случайная встреча с ним невозможна. Если Аврора спрашивает ее разрешения, можно ли пригласить отца к себе домой – что ж, она не против. Но ее самой здесь не будет. – Пригласи его на ужин, делай что хочешь. А я на то время куда-нибудь уйду – на столько, на сколько скажешь.

Маверик ей только «спасибо» скажет. Элиза была совершенно уверена: он так же не горит желанием видаться с ней, как и она с ним. Они не разговаривали уже много лет. Встречаться им совершенно ни к чему. По крайней мере, Элиза так считала.

– Тебе не удастся не видаться с папой. – Дочь отвела взгляд в сторону.

– Что ты имеешь в виду? – У Элизы заняло сердце.

– Он будет жить здесь.

– В вашем доме?! – ахнула Элиза. – Не может быть! – Она умоляюще посмотрела на Аврору. Нет... наверное, она все правильно расслышала. Элиза словно оцепенела – руки и но-

ги налились свинцовой тяжестью. — Он знает, что я у вас живу?

Дочь молча кивнула:

— Я ему говорила, а он все равно хочет приехать.

— Н-надолго он сюда?

Аврора ответила не сразу.

— На две недели.

— На две... недели?! — не выдержала Элиза. Она резко выпрямилась, книга упала на пол. — И речи быть не может! Неужели ты считаешь, что мы с ним сможем жить под одной крышей... вместе... да еще так долго! — Она решила, что за всем стоит именно Маверик. Он хитростью заставил дочь согласиться; несомненно, удача отвернулась от него, и он сейчас без гроша. — Элизе захотелось плакать. — Придется мне куда-нибудь переселиться, — пробормотала она. В самом деле, другого выхода она не видела. Однако все ее вещи пылятся на складе. К тому же вряд ли удастся снять жилье на такой недолгий срок...

— Мама, успокойся! — вскричала Аврора, но тут же взяла себя в руки и понизила голос: — Прошу тебя. Не нужно драматизировать.

Элиза спустила ноги на пол. Больше всего ей сейчас хотелось закрыть лицо руками, но она удержалась. Близится катастрофа, а дочь как будто ничего не понимает!

— Раньше папа никогда ни о чем меня не просил, — сказала Аврора. — Я не могу ему отказать.

– Старался тебя разжалобить, значит?

– Нет, – сухо ответила Аврора. Видимо, слова матери ее обидели. – Он не пытался меня разжалобить. Папа всегда был очень щедрым и замечательно относился к нам с Дэвидом и к мальчикам.

– Ему нельзя доверять!

– Это ты так считаешь, а для меня-то он отец!

Элиза снова почувствовала себя виноватой. Она приказала себе больше не говорить ничего плохого про бывшего мужа.

– Ясно... Значит, он приезжает погостить на пару недель. Аврора кивнула.

– А он точно в курсе, что я у вас живу?

– Да. – Судя по странному тону дочери, такого осложнения Маверик не предвидел. Что ж, что бы он ни задумал, чего бы ни добивался, ему придется иметь дело с ней – а она, к счастью, его отлично знает. Ее не так-то легко одурачить!

– Где он будет спать?

Дом у Дэвида и Авроры просторный, но в нем всего три спальни. Все они заняты. Третью спальню заняла Элиза, она переоборудовала ее в крошечную отдельную квартиру. У нее есть микроволновка, отдельный туалет с ванной, телевизор, кресло-качалка и узкая односпальная кровать. А больше ей ничего и не требуется. Она живет отдельно, у нее есть маленькое убежище; она может удалиться в свою комнату, чтобы не мешать семейству дочери.

– Я положу папу в комнату мальчиков.

Мудрое решение. Внуки, хотя они и солнышки, настоящие проказники. Маверик не привык общаться с детьми. Элиза улыбнулась: в комнате с Люком и Джоном Маверик долго не продержится.

– В общем, положение не из простых, – продолжала Аврора.

Элиза закатила глаза.

– Это еще мягко сказано! – Она тут же снова почувствовала себя виноватой.

– Мама, мне нужно, чтобы ты меня поддерживала, а не наоборот!

– Я никогда ничего не сделаю тебе во вред, – сказала Элиза, стараясь скрыть горечь. Как Аврора могла подумать такое!

– Но ты все время обижаешь папу.

– Неправда, – пылко возразила Элиза. – Я не испытываю к твоему отцу никаких чувств. Нас с ним давно ничего не связывает, – солгала она и тут же покраснела.

– Мама! – вскричала Аврора с жаром. – У вас с отцом столько нерешенных проблем! Чтобы все их перечислить, понадобится не один день!

– Не говори глупостей.

Аврора отлично знала ее, но Элиза решила притворяться, будто ей совершенно все равно. Ничего, две недели она как-нибудь выдержит.

Стиснув в руке стакан, Аврора отпила глоток холодного чая.

– Не хочу с тобой ссориться, особенно сейчас. Пожалуйста, обещай мне, что... не обидишь папу ни словом, ни делом!

– Я бы ни за что...

– Очень важно сохранять мир. Не хочу рассказывать мальчикам, почему ты злишься на папу.

Элиза обиделась на дочь. Почему Аврора считает именно ее корнем всех зол?

– Обещаю, что постараюсь сделать пребывание здесь твоего отца приятным, насколько это возможно.

Если следующие две недели придется прятаться в своей комнате, что ж, так тому и быть.

– Мама, ты подумай как следует. Я прошу тебя об очень важной вещи... ни о чем более важном я у тебя еще не просила.

Элиза снова задумалась. Может, все-таки переехать и избавить их всех от лишних хлопот? К сожалению, ехать ей некуда. Поэтому придется какое-то время находиться под одной крышей с мужчиной, которого она одновременно любит и ненавидит – вот уже тридцать семь лет!

Глава 7

ЛИДИЯ ХОФФМАН

Настоящими носками могут считаться лишь те, что связаны вручную; купленные в магазине – лишь бледная имитация.

Дайана Суси. Вяжем просто и без труда

В час начинается первое занятие по вязанию носков, и я очень волнуюсь. В прошлом году я вела несколько курсов и кое-что поняла в процессе преподавания. Главное – чтобы на занятиях возникли хорошие, теплые отношения. Не знаю, удастся ли создать нужное настроение с новыми ученицами. Пока мне не хочется ни с кем делиться своими сомнениями.

Участницы нового курса напоминают мне самых первых учениц, с которыми я познакомилась год назад. На первый взгляд у Элизы, Бетани и Кортни нет ничего общего, кроме желания вязать. То же самое мне показалось, когда я знакомилась с Жаклин, Кэрол и Аликс, изъявившими желание научиться вязать детские одеяльца. Все трое оказались очень разными, и все же нам всем удалось подружиться за сравнительно короткий срок. Я не перестаю этому удивляться и надеюсь, что история повторится, хотя ничего особенно радужного не жду. Конечно, я не пессимистка, как моя сестра. И все же Элиза Бомон при знакомстве показалась мне очень

сдержанной, упрямой и скрытной, Бетани Хэмлин – робкой и боязливой. Мы виделись совсем недолго, но у меня сложилось впечатление, что она склонна опускать руки при первой же неудаче. Кортни Пулански еще совсем девочка. Мне жаль ее – бедняжка очень удивилась, когда бабушка записала ее на курс. В общем, мне кажется, что три новые ученицы, к сожалению, слишком разные, чтобы подружиться.

Я кошусь на Маргарет – пока готовлюсь к занятию, она помогает покупательнице выбрать пряжу. Утром я задавала ей наводящие вопросы, чтобы ей легче было раскрыть душу и рассказать, что случилось с Мэттом, но Маргарет упорно держала язык за зубами. Мне сейчас тяжело, но я понимаю, что не имею права выдавать своей осведомленности. И давить на сестру тоже не хочется; она не обязана отчитываться передо мной! И все же сердце у меня не на месте. Мне жаль Маргарет и жаль себя. Хочется обо всем расспросить сестру. Меня тревожит, как все восприняли дочери Маргарет, Джулия и Хейли. Племянниц я очень люблю; думаю, девочки обязательно рассказали бы мне обо всем, если бы Маргарет им не запретила. В каком-то смысле я понимаю причину скрытности сестры, но мне от этого не легче.

Звенит колокольчик над дверью, и в магазин входит Элиза Бомон. При первой встрече она держалась если не дружелюбно и жизнерадостно, то, во всяком случае, вполне приветливо. Сегодня же она буквально излучает неудовольствие. И у нее такой вид, словно она не выспалась. Будь мы

с ней знакомы подольше, я бы спросила, в чем дело, но, поскольку я ее совсем не знаю, лучше помолчать. М-да, новый курс начинается совсем не так, как мне бы хотелось...

– Доброе утро! – Я надеюсь, что мое бодрое приветствие ее растормошит, но Элиза отвечает мне довольно хмуро и сразу спрашивает:

– Скажите, сколько времени длится занятие?

Я протягиваю ей рекламное объявление, распечатанное Маргарет на компьютере.

– Два часа.

– Что ж, тогда ладно. – Не меня угрюмого выражения лица, Элиза выдвигает стул и садится, а сумку с пряжей и спицами ставит себе на колени.

Я вспомнила, что она заранее купила все, что ей понадобится, в том числе и меланжевую пряжу – голубую, с вкраплениями серого и черного. Судя по всему, она собирается вязать мужские носки.

Не успевает Элиза усесться, как входит Бетани, одетая, по моему, слишком уж нарядно для урока вязания. Почти следом за ней является Кортни; девочка, наоборот, оделась кое-как: в мешковатые джинсы и безразмерную футболку. Обе молча подходят к столу и рассаживаются по местам, стараясь держаться подальше друг от друга. Я встаю и улыбаюсь:

– Ну вот мы и в сборе. Надеюсь, вам понравится вязать носки на круговых спицах. Нас ждет своего рода приключение, но я уверена в том, что вы не разочаруетесь. Мне кажет-

ся, для начала стоит представиться и немного рассказать о себе.

Все ученицы смотрят на меня, – видимо, каждая ждет, что первой выступит другая.

– Давайте начнем с меня, – предлагаю я. – Меня зовут Лидия Хоффман, я открыла «Путеводную нить» чуть больше года назад. Я люблю вязать, а магазин и занятия дают мне возможность заниматься любимым делом. А еще мне нравится обращать в свою веру других. – Я улыбаюсь и жестом показываю на Кортни, давая понять, что она следующая.

Девочка выпрямляется на стуле и обводит взглядом остальных учениц.

– Здравсте. – В знак приветствия она небрежно машет рукой. – Меня зовут Кортни Пулански. Мне семнадцать лет, я переехала сюда недавно и осенью пойду в выпускной класс. Живу у бабушки... Моя мама несколько лет назад разбилась на машине, а папа уехал на работу в Бразилию... Он инженер. – Помявшись, Кортни добавляет: – Вот вроде бы и все.

– Последний школьный год ты будешь жить у бабушки? – сочувственно переспрашивает Элиза. – Наверное, тяжело тебе приходится!

Кортни глубоко вздыхает:

– Папа очень не хотел отправлять меня в Сиэтл, но потом мы решили, что это самый разумный выход из положения. У меня есть старшие брат и сестра, мы с ними переписываемся по электронной почте практически каждый день. Папа тоже

пишет мне, когда может, но он часто бывает занят, хотя... в общем, я знаю, что он всех нас очень любит.

Элиза кивает:

– Не сомневаюсь.

– И я тоже, – шепчет девочка и опускает голову, очевидно, чтобы скрыть слезы.

Стараясь отвлечь внимание от Кортни, я улыбаюсь Бетани:

– Ну а вы?

– Здравствуйте. – Бетани немного наклоняется вперед. – Меня зовут Бетани Хэмлин. Я жена и мать двоих детей... – Она вдруг запинается и хмурится. – Точнее, сейчас меня можно назвать бывшей женой... Мы с мужем недавно развелись. – Она поворачивается к Элизе, словно ожидая от той вопросов, и спешит продолжить: – Мы развелись не по моей инициативе. Но теперь, когда я, так сказать, свободна, дочь настояла, чтобы я занялась чем-нибудь ради своего удовольствия. – Бетани тихо, принужденно смеется. – Поэтому я здесь.

– Но вы вязали и раньше, да? – уточняю я. Если я ничего не путаю, Бетани говорила, что в прошлом она очень любила вязать.

– Когда дети были маленькие, я кое-что вязала для них – в основном самые простые вещи. У меня есть и пряжа, и все нужные описания. В общем, все неплохо, но я боюсь, что не осилю материал. Мне всегда казалось, что вязать носки

очень сложно.

Как я и подозревала, Бетани готова сдаться, даже не начав!

– Поскольку у меня всего три ученицы, я смогу уделить каждой особое внимание, – успокаиваю ее я. – Поэтому на счет сложности не волнуйтесь.

– И все-таки, – нерешительно продолжает Бетани, – если окажется, что носки мне не по силам, вы вернете деньги?

– К сожалению, деньги мы не возвращаем. Мне очень жаль. – Такое мне не по карману. Кроме того, мне не хочется поощрять пораженческие настроения. – А вы, Элиза?

– Меня зовут Элиза Бомон. Возможно, кое-кто из вас помнит меня по начальной школе имени Гарри С. Трумэна, где я тридцать два года проработала библиотекарем. Недавно я вышла на пенсию и подыскивала себе занятие по душе. Вот и решила научиться вязать носки. – Закончив говорить, она снова садится.

Я даю своим ученицам несколько секунд, чтобы переварить новые сведения, а потом снова беру слово:

– Я рада, что вы все пришли сюда. А то, что нас немного, даже хорошо. Поверьте, как только научитесь вязать носки, вы удивитесь, что не занимались этим всю жизнь! Вязать носки очень занятно, а на круговых спицах еще и не сложно.

Ученицы внимательно слушают меня. Я показываю им виды носочной пряжи – от самой тонкой до ровницы. Мне хочется начать обучение с чего-то простого, и все же я объяс-

няю, что способов вязания носков так же много, как и типов пряжи. Для начала я выбрала одну из моделей Нэнси Буш. Мне нравятся ее вещи, и я не сомневаюсь в том, что и ученицы тоже их полюбят.

– Сегодня мы научимся набирать петли для так называемых норвежских носков, – говорю я. – Возможно, для первого занятия я выбрала не самую легкую тему, и все же мне хочется обучить вас новому способу.

– По-моему, это очень трудно, – замечает Бетани, глядя, как я наматываю нить на спицу. – Не уверена, что у меня получится.

Внезапно Элиза набрасывается на Бетани.

– А ну, хватит! – рывкает она. – Вы ведь еще даже не пробовали! Пусть Лидия сначала покажет, а потом нойте сколько хотите!

Бетани сразу съеживается и умолкает. До самого конца занятия она больше не произносит ни слова.

– Бетани, давайте я вам покажу. Все совсем не так трудно, как кажется на первый взгляд, – говорю я, стараясь сгладить неловкость. Элиза явно чем-то расстроена, а гнев вымещает на ни в чем не повинной Бетани. С первой же секунды, как Элиза вошла, я сразу поняла, что ее что-то гнетет.

– Для толстых носков бабушка советует делать резинку не один на один, а два на два, – говорит Кортни.

Мне очень нравится бабушка Кортни Вера, опытная вязальщица и одна из моих самых постоянных покупательниц.

Интересно, почему Вера сама не взялась учить внучку? Ведь опыта у нее гораздо больше, чем у меня.

– А вы что думаете? – спрашивает девочка.

– Твоя бабушка права. С резинкой два на два носки лучше сидят на ноге... Но давай не будем забегать вперед.

– Ой, извините!

Несколько минут я рассказываю, как добиться того, чтобы носок пришелся по ноге. Кроме того, я раздала ученицам таблицу с размерами, чтобы они рассчитали, сколько петель набирать в зависимости от веса пряжи. Легкая, тонкая нить требует большего количества петель, более толстые виды пряжи – меньшего.

– Всем все понятно? – спрашиваю я.

Ученицы кивают. Остаток занятия я показываю им норвежский способ набора петель и обучаю работе на круговых спицах. Кортни схватывает все буквально на лету. Она первая закончила набирать петли и горделиво вскинула голову, а Элиза и Бетани все еще возились со спицами и пряжей.

Мне почти все время приходится помогать Бетани. Сразу видно – она действительно когда-то вязала, но очень давно. Сейчас навыки подзабыты, и она управляется с нитью и спицами довольно неуклюже. Но самое главное – она страшно не уверена в себе! К концу занятия даже мне приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не вспылить, в двадцатый раз повторяя одно и то же.

Элиза тоже испытывает мое терпение. Выместив дурное

настроение на несчастной Бетани, она замкнулась, ушла в себя. Мне кажется, она жалеет о своей несдержанности. Кроме того, боюсь, что Элиза не слишком доверяет мне как преподавателю. Ощущение не из приятных.

После того как ученицы наконец справились с заданием, собрали вещи и ушли, у меня такое чувство, будто я провизилась с ними целый день. Я ужасно устала и пошла заварить чаю.

– Как прошел урок? – спрашивает Маргарет, заходя в мой кабинет.

– Ужасно.

– В самом деле?

Я только вздыхаю. Сейчас мне ничего не хочется рассказывать. И вдруг меня озаряет: может быть, сестре тоже неприятно говорить о своих трудностях?

– Чувствую, этот курс будет не из легких, – бормочу я. Маргарет не привыкла к тому, что я во что-то не верю.

– С чего ты взяла?

– Так, чувствую...

– Что же ты чувствуешь?

Я вздыхаю.

– Элиза очень резкая и своенравная, с ней трудно общаться. Бетани все время боится, что не запомнит, как надо вязать. А Кортни очень обидчивая.

Ох, не пришлось бы пожалеть, что я решила снова набрать учениц!

Глава 8

БЕТАНИ ХЭМЛИН

После урока вязания Бетани перешла дорогу и присела за столик у «Французского кафе». По ее просьбе Грант, пусть и нехотя, согласился с ней встретиться. Он сам предложил оживленное место, как будто боялся, что она устроит сцену. Бетани не собиралась скандалить, ей нужны были лишь помощь и совет. Она надеялась, что они все обсудят тихо, мирно и спокойно, как интеллигентные люди. Как ни странно, она не испытывала ненависти к Гранту. Ради детей они обязаны держаться заодно. Она не сомневалась, что он с ней согласен.

Бетани мелкими глотками пила эспрессо, надеясь, что крепкий горячий кофе придаст ей смелости. Разговор предстоит неприятный, в том числе и о деньгах.

Из-за угла вышел Грант. Бетани невольно удивилась: где он оставил машину? Она заметила бывшего мужа раньше, чем он ее. Грант по-прежнему оставался видным, красивым мужчиной. Хотя он бросил, предал ее самым бессовестным образом, Бетани все равно не переставала любить его. Она злилась на себя за то, что до сих пор питает к нему нежные чувства. Неожиданно, увидев его, она испытала гнев, ужас и недоверие. Мужчина, который к ней приближался, показал-

ся ей практически чужим.

Увидев ее, Грант не улыбнулся, он приветствовал ее лишь сухим кивком. Бетани тщательно продумала свой костюм. Она надела черный, сшитый на заказ блейзер с черными же брюками и светло-зеленой шелковой блузкой, волосы собрала на затылке и сколола их крупной серебристой заколкой. Грант ни словом не обмолвился о том, хорошо ли она выглядит, хотя раньше этот наряд ему неизменно нравился. Не произнеся ни слова, он сел напротив.

– Хочешь чего-нибудь? – спросила Бетани, надеясь, что кофе и сладкое поможет им обоим успокоиться.

– Нет. – Грант посмотрел на часы. – У меня всего несколько минут. В чем дело?

– Дело в Энни, – ответила Бетани так же сухо, как спросил бывший муж.

– Да, ты сказала по телефону. Откровенно говоря, не понимаю, что такого необычного она натворила. Да, она злится, ну и что? Все вполне естественно. Тифф только посмеялась, когда получила то, чего не заказывала, и когда ей звонили со станции переливания крови. И только тебе кажется, что Энни еле-еле сдерживается и ее гнев вот-вот перельется через край.

– Грант, мне ничего не кажется, я точно знаю... Кстати, Эндрю тоже тревожится. Он первый заговорил со мной о сестре.

– Вот, значит, как? Вы с Эндрю тревожитесь... Слушай,

не считай меня таким уж бессердечным, но, по-моему, ничего необычного с Энни не происходит. Да, она взвинчена и враждебно к нам относится, но так и должно быть. Скоро у нее это пройдет.

– Мне виднее – ведь живет-то она не с тобой, а со мной, – возразила Бетани. – Да, если не присматриваться, действительно кажется, что девочка постепенно привыкает к переменам, но на самом деле все не так. – Увидев, как пренебрежительно Грант покачал головой, Бетани не выдержала: – С каких пор ты стал разбираться в том, как развод влияет на психику девочек-подростков? Ты прочел об этом книгу? – Бетани знала бывшего мужа и не рассчитывала на то, что тот пойдет к психотерапевту.

Грант досадливо вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Я знаю, что она начала бегать по утрам. Физические нагрузки отлично помогают преодолеть дурное настроение, – сказал он, делая вид, будто не слышал ее вопроса.

– Знаю... я согласна, но...

Грант решил перейти в наступление:

– Ты пользуешься детьми как средством, чтобы добраться до меня!

– Добраться до тебя? – Бетани прилагала все усилия, чтобы не закричать. Ее душил гнев, который, казалось, вот-вот перельется через край. Она сдерживалась только ради детей и еще потому, что они сидели в общественном месте. Попросив бывшего мужа встретиться, она надеялась тронуть

его, убедить в том, насколько серьезно переживает развод их дочь. Она не знала, что делать с Энни, и хотела получить от него помощь. Ей нужна его помощь!

– Мне положено чувствовать себя виноватым, – проворчал Грант. – Вот зачем ты меня сюда позвала. Ты мной манипулируешь, и Энни не лучше тебя. И вообще, они оба безобразно ко мне относятся! По соглашению о разводе им положено проводить каждые вторые выходные у меня. Они отказываются приходить ко мне, а ты им потакаешь! Так что... мне надоели ваши игры – и твои, и их.

Совершенно верно: Эндрю и Энни упорно сопротивлялись ее попыткам через выходные возить их домой к отцу. И как ей их заставить? Они ведь уже не маленькие!

– Но я...

Грант встал, словно сказал все, что собирался. Бетани поняла: если она сейчас же не признается в том, что сделала, Грант возьмет и уйдет.

– Я... читаю дневник Энни. – Она вовсе не гордилась тем, что лезет в жизнь дочери, но чутье подсказывало ей: с девочкой творится неладное. От того, что она прочла, кровь застыла у нее в жилах. Энни начала баловаться наркотиками и по ночам тайно уходила из дома, чтобы встречаться со своими новыми друзьями. Бетани не знала ни одного мальчика из тех, о ком писала Энни. Она боялась даже думать, что происходит на их тайных сборищах.

– Ты – что?! – Грант снова сел.

– Я читаю ее дневник. Грант, ты понятия не имеешь, как она злится на нас обоих! Она... начала делать всякие глупости и...

Бывший муж довольно равнодушно пожал плечами:

– Она перебесится, а потом все само пройдет. Развод стал для нее ударом, нужно дать ей время привыкнуть.

– Само пройдет?! – воскликнула Бетани. Неужели Гранту настолько все равно? У нее заболело сердце, грудь стиснуло, словно обручем. Может быть, Грант всегда был таким бессердечным, а она ничего не замечала? Или он полностью переменился за такой короткий срок...

– Учитывая наше положение, все нормально.

Нормально? Нормально, что он бросил семью? Нормально, что он причинил страшную боль тем, кому когда-то клялся в любви и верности? Он стряхнул с себя жену и детей, как мусор! Нормально, что Энни от боли и гнева рискует поломать себе жизнь? Равнодушие Гранта больно ранило Бетани.

– Наверное, ты прав, – прошептала она, опустив голову. – Но я считала, что обязана тебя предупредить.

– О чем?

– Ненависть у Энни не проходит. – Она давно собиралась предупредить бывшего мужа, чтобы был начеку. По словам Эндрю, его сестра не собиралась прекращать войну против Тиффани. Пусть Грант делает что хочет...

– У тебя все? – раздраженно спросил он.

– Нет, есть кое-что еще. – Бетани обхватила чашку обе-

ими руками. На бывшего мужа она старалась не смотреть. Обсуждать с ним денежные дела особенно неприятно.

– Что же? – Он глубоко, страдальчески вздохнул.

– Эндрю едет на сборы в футбольный лагерь.

Их сын отлично играл в футбол. Бетани почти не сомневалась, что университет штата Вашингтон или Вашингтонский университет предложат ему стипендию как талантливому спортсмену.

– Ну да, я в курсе.

– У меня на сборы нет денег. – Бетани готова была провалиться от стыда сквозь землю, но что еще ей оставалось делать? – Оплати, пожалуйста, спортивный лагерь, а все остальное я беру на себя.

– Что – остальное? – язвительно спросил Грант. – Ну, например?

Расходы стремительно увеличились, и Бетани не знала, справится ли.

– В конце прошлого учебного года школьный совет прислал извещение: с сентября плата за спортивные секции увеличивается вдвое. Отчислений от налогов не хватает, а тут еще выпускной альбом и много чего другого... В общем, по-моему, будет справедливо, если ты оплатишь Эндрю сборы. – Она не упомянула о том, что в начале учебного года придется покупать новую одежду и тратить деньги еще на сотню разных вещей.

– Тебе что, не хватит денег на спортивный лагерь?

– Хватит, но тогда нечем будет платить за дом. Грант долго молчал.

– Этого я и боялся, – пробормотал он наконец. Бетани понятия не имела, о чем он.

– Не собираюсь обращаться к тебе всякий раз, когда мне понадобятся деньги, – заявила она.

– Но сейчас же обратилась.

– Да, но... – Неужели он не понимает, что оговоренная сумма, которую он платит ей на детей, и близко не покрывает расходы, которые несешь, когда растишь двух подростков?

– Бетани, я не могу тебе помочь. Пожалуйста, больше ко мне не обращайся.

– Но...

– Я плачу тебе алименты и пособие на детей. Кстати, ты еще не нашла работу?

Опустив глаза, она покачала головой.

– Так я и думал. Наверное, даже не старалась? – ехидно поинтересовался он, как будто знал ответ заранее. – Сейчас ты живешь целиком за мой счет и, по-моему, не предпринимаешь никаких усилий к тому, чтобы зарабатывать на жизнь самостоятельно.

– Я пробовала искать работу, но понятия не имею, куда мне обратиться. – Признаваться в своем поражении было унижительно. Бетани хотелось накричать на бывшего мужа. Ведь это он виноват во всех ее теперешних бедах! Но она понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет, и пото-

му в очередной раз забыла о гордости – вернее, о том, что от нее осталось.

– Поиски работы начни с газеты, – презрительно посоветовал Грант. – Если ничего не подвернется, можешь открыть детские ясли на дому – не зря же гордилась тем, какая ты образцовая мать.

Да, раньше Бетани действительно считала себя образцовой матерью, а еще образцовой женой. Видимо, последнее не получилось. Она тряхнула головой – сейчас не время корить себя за неудачу.

– Подумай о том, что у тебя лучше всего получается, – продолжал Грант. – А из меня деньги больше не тяни!

От нанесенного им сокрушительного удара Бетани даже поморщилась.

– Не хочу показаться тебе жестоким, но тебе пора проснуться и понять, что мир изменился.

Бетани едва не подавилась эспрессо.

– Через два года Энни закончит школу, и я перестану выплачивать тебе пособие.

– А как же колледж? – Пусть не думает, что она забыла. В соглашении четко указано: расходы на высшее образование детей родители несут пополам.

– Мы с тобой платим за колледжи пополам, помнишь? Это значит, что тебе придется содержать не только себя, но и нести свою долю расходов. Так что рекомендую тебе поскорее найти подходящую работу.

– Я все понимаю, но...

– У тебя всегда найдется отговорка, верно?

На сей раз встала Бетани. Ей не терпелось поскорее уйти, бежать от этого холодного, черствого эгоиста, который всячески старается ее сломить. Сейчас ей больше чем когда бы то ни было захотелось доказать ему, что он неверно судит о ней.

– Прощай, Грант! Не волнуйся, больше я тебя не побеспокою, – процедила она сквозь зубы и покосилась на бывшего мужа, надеясь, что он увидит и почувствует всю силу ее презрения. Интересно, как она жила с ним столько лет и не догадывалась, что он за человек?

Бетани вышла из кафе. Следом за ней вышел Грант и широким шагом удалился в противоположном направлении. Бетани потребовалось несколько минут, чтобы собраться с силами. Наконец она поплелась к тому месту, где оставила машину. Сумку с вязаньем она сразу после занятия бросила в багажник. Бетани уже пожалела, что записалась на курс, и даже попыталась вернуть деньги, потому что ей показалось, что они потрачены впустую. Но раз не вышло – значит, не вышло. Она постарается извлечь из уроков как можно больше толку.

Подойдя к своей машине, она заметила, как из-за угла выворачивает новенький «кадиллак». Именно о таком мечтал Грант – еще до развода. Бетани прищурилась и посмотрела, кто за рулем. Естественно, «кадиллак» вел ее бывший муж.

Машина совсем новенькая, он даже не свинтил табличку с названием фирмы-дилера. Он отказался оплатить футбольный лагерь для Эндрю, зато купил себе дорогущую машину, хотя и его прежняя совсем неплохая!

Глава 9

КОРТНИ ПУЛАНСКИ

– Кортни!

Кортни услышала зычный бабушкин голос, но сделала вид, будто еще спит.

– Кортни! – не сдавалась бабушка. – Ты не забыла, что сама просила тебя разбудить?

Кортни глубоко вздохнула, перевернулась на бок и, открыв один глаз, посмотрела на старинные часы, стоящие на ее прикроватной тумбочке. Большая стрелка стояла на шести, а маленькая – на пяти. Полшестого!

– Кортни! – кричала бабушка. – Не заставляй меня подниматься на второй этаж, мне тяжело! Ну-ка, вставай!

Отбросив теплое одеяло, Кортни с трудом встала и вышла на площадку.

– Уже встала. Встать-то встала, но зачем?

– Слава богу! – Вера Пулански, тяжело дыша, остановилась на третьей ступеньке лестницы. Ей сразу полегчало от того, что не пришлось тащиться на второй этаж. – Через десять минут выходим!

Кортни долго соображала, куда это они выходят. Куда бы там ни собиралась бабушка, она намерена взять ее, Кортни, с собой.

– Сейчас только полшестого утра!

Бабушка посмотрела на внучку в упор:

– Я прекрасно знаю, который сейчас час. Хочу быть в бассейне к открытию, к шести.

– Ясно...

Жуть какая! Да, они что-то говорили насчет плавания, но Кортни и понятия не имела, что ей придется встать в такую рань. Более того, они обсуждали бассейн только в общем, теперь даже вспомнить неприятно. Бабушка сказала, что, если Кортни хочет похудеть, ей нужно заниматься спортом. Она смутно помнила, что согласилась плавать – главным образом, ради того, чтобы бабушка поскорее отвязалась.

Кортни в спешке достала из нижнего ящика комода купальник. Только бы он пришелся ей впору! Ей малы почти все вещи – даже чтобы застегнуть «молнию» на джинсах, приходится изощряться и втягивать живот. Ну а блузки вообще можно носить только навыпуск, а вниз еще надевать майку... И все-таки в джинсах совсем нелегко скрыть, что ты растолстела, – они того и гляди разойдутся по швам.

– У меня есть запасное полотенце! – снова донесся до нее бабушкин голос снизу. – Из ванной не бери – они из набора.

– Ладно, бабушка! – закричала Кортни в ответ, скидывая пижаму и натягивая на себя цельный купальник. Купальник налез, но с трудом. В зеркало лучше не смотреться! Хорошо еще, что в такую рань она не встретит в бассейне никого из своей будущей школы. Кортни натянула спортивные брюки

и футболку, сунула ноги в шлепанцы и затрусилась вниз по лестнице.

Бабушка ждала ее у двери. Она протянула Кортни полотенце, фиолетовую шапочку и очки для плавания.

– Они старые, – сказала она, кивая на очки, – но пока сойдут, а потом купим тебе новые.

– Значит, ты это серьезно? – Вообще-то Кортни испытала потрясение. Она не знала, что такие старые люди, как ее бабушка, ходят плавать.

Ее ждали новые сюрпризы. Пятидесятиметровый бассейн находился в здании школы. Сеансы плавания для взрослых начинались в шесть утра и продолжались до половины восьмого. В коридоре толпилось множество пожилых людей, судя по всему, давно знакомых между собой.

Кортни вошла в здание вместе с бабушкой. Судя по тому, как торжественно с ней здоровались, можно было подумать, будто Веры уже давным-давно нет в живых. Бабушка усердно знакомила Кортни со своими друзьями по плаванию. Кортни очень старалась запомнить, как кого зовут, но имен прозвучало великое множество. Больше всего ей хотелось вжаться в стену или стать невидимкой. Пусть солнце и сияет, а ни одному разумному человеку сейчас радоваться нечего, считала Кортни.

– Как вам нравится в Сиэтле? – спросила какая-то бабушкина подруга.

Кортни смутно вспомнила ее имя: Лета.

– Очень нравится.

Кортни постаралась изобразить воодушевление. Больше всего ей бы здесь понравилось, если бы удалось познакомиться с кем-то моложе восьмидесяти. Кстати, первый урок вязания ее разочаровал. Во-первых, Кортни не ожидала, что найдется так мало охотниц вязать носки. Кроме нее, на занятия пришли всего две ученицы, и обе гораздо старше ее. Одна, судя по виду, бабушкина ровесница, настоящая старая карга. Выражение лица такое, словно она лимон съела. Вторая ученица по возрасту ближе к ее матери – если бы мама была жива.

Кортни вспомнила о маме, и ей стало нехорошо. Она уже не должна была испытывать такой сильной боли, а все равно было больно. Кажется, брат и сестра сжились с потерей гораздо лучше, чем она. Больше никто не хотел говорить о маме, и Кортни казалось, будто ей вообще положено забыть о том, что у нее была мать. Но забыть о маме она не желала и не могла.

Сестрица Джулианна от горя не набрала почти шестнадцать лишних килограммов! Наоборот, она похудела. Джейсон считал, что лишний вес – пустяки. Кортни как-то отважилась посоветоваться с ним, но брат просто отмахнулся. Раз лишний вес так ее достает, пусть худеет, сказал братец. Можно подумать, похудеть легко! Если бы сбросить лишние килограммы ничего не стоило, она бы давным-давно вернулась в прежнюю форму.

– У нас здесь свои правила, – сказала Лета, подходя к Кортни. – Правила неписанные, но рекомендую их не нарушать.

– Хорошо.

– Имей в виду, средний душ – мой, я уже восемнадцать лет под ним моюсь. Если ты выйдешь из бассейна первой, буду тебе признательна, если ты не займешь среднюю кабинку в душевой.

– Конечно, – вздохнула Кортни. Главное – не забыть.

– Намочи волосы перед тем, как войдешь в воду, – посоветовала еще одна бабушкина подруга, подходя к Лете. – Только как следует, иначе хлорка тебе все волосы разъест.

– У тебя шапочка есть? – спросил кто-то еще. – Терпеть не могу во время плавания хвататься за чьи-то волосы.

Какая гадость!

– Бабушка дала мне шапочку. – Вначале Кортни не собиралась плавать в шапочке, но поняла, что, если она ее не наденет, ее с позором выгонят из воды.

– Ты быстро плаваешь? – спросила Лета.

– Как сказать... – замялась Кортни.

– Тогда иди на среднюю дорожку, – распорядилась бабушка. – Мы почти все плаваем на первой, – объяснила она Кортни. – Третья – для опытных пловцов. Начни со средней, посмотришь, как пойдет.

– Хорошо. – Кортни наконец-то полностью проснулась и про себя повторила все неписанные правила здешнего «клу-

ба». Не мыться в средней душевой кабинке. Зато плавать на средней дорожке. Перед тем как идти в воду, намочить волосы. Кажется, все.

Кортни надеялась, что не слишком проголодается за тренировку.

Едва распахнулись двери, вся толпа ввалилась в бассейн. Мужчины пошли направо, а женщины – налево, к своим раздевалкам.

Кортни плелась следом за бабушкой, Летой и остальными. Когда она вошла, Вера уже сунула свою сумку в шкафчик. Она не спеша сняла спортивные брюки. Не хотелось чтобы все эти старухи увидели, какие у нее жирные руки и ноги. Чего доброго, кто-нибудь из них, а то и родная бабушка, опустит замечание насчет того, что купальник ей маловат.

Оказалось, беспокоиться ей не о чем. Всем не терпелось поскорее войти в воду, и никто не обращал на Кортни внимания. Хорошо-то как! Тем не менее она дождалась, пока в раздевалке никого не останется, и только потом разделась до купальника.

Следуя совету, она пошла в душ, включила воду и сунула под нее голову. Пригладила мокрые волосы и надела фиолетовую шапочку, радуясь, что она здесь никого не знает. Попадись ей сейчас кто-нибудь знакомый из Чикаго, вот бы ее обсмеяли!

Самой Кортни было вовсе не до смеха. Через полтора месяца начнется учебный год – ей хотелось войти в класс в хо-

рошей форме, и ради этого она была готова на все, что угодно. Если для того, чтобы похудеть, надо вставать с петухами, улыбаться стервозным старушкам и выполнять неписанные бассейновые правила, что ж, она и на это пойдет.

Набравшись смелости, Кортни вышла из раздевалки и быстро зашагала к воде, стараясь выглядеть как можно равнодушнее. Спустившись по лесенке, она невольно ахнула. Ну и холод! Пусть на табло написано «27». По мнению Кортни, вода была не теплее двадцати градусов.

Бабушка и ее подруги уже плавали. Присмотревшись, Кортни поняла, что они плывут друг за другом и соблюдают принцип правостороннего движения. Несколько пловчих стояли у бортика на мелком конце и о чем-то болтали; Кортни прошла мимо них, не опуская руки в ледяную воду. Добравшись до разделительной гирлянды поплавков, она поняла, что под нее придется поднырнуть, и снова ахнула, погрузившись в воду с головой. Наверное, вода, в которой затонул «Титаник», и то не была такой ледяной.

Очутившись на средней дорожке, Кортни оттолкнулась от бортика и поплыла. Проплыв первые пятьдесят метров и схватившись за бортик, она поняла, что совершенно выбилась из сил; пришлось постоять, чтобы отдышаться.

Бабушка и ее подруги отдыхать не собирались. Пусть им всем и по сто лет, они ни разу не задержались у бортика и без усталости плавали туда-суда. Медленно, зато без остановок.

Кортни проплыла десять кругов и после каждого остано-

ливалась. Закончив десятый круг, она сделала вид, что ей нужно поправить очки, хотя они совсем не подтекали. Просто она лишний раз отдышалась. Она готовилась к одиннадцатому кругу и испытывала крайнюю гордость.

По словам бабушки, шестнадцать кругов – это примерно полтора километра. В таком случае проплыть полтора километра гораздо сложнее, чем пройти. Произведя мысленные подсчеты, Кортни решила, что уже проплыла три четверти своей полуторакилометровки. Здорово!

Надо будет взвеситься, когда они вернутся домой. После такой интенсивной тренировки она просто не может не сбросить вес. Приятно наблюдать, как стрелка весов движется в обратном направлении.

– Пора выходить, – сказала ей бабушка, когда она уже собиралась на одиннадцатый круг.

– Я хочу проплыть еще парочку дорожек, – возразила Кортни.

– Сегодня среда. В семь утра приходит школьная секция пловцов.

По спине Кортни пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой воды.

– Секция пловцов? Из этой школы?!

Бабушка сняла очки.

– А что тут такого? – удивилась она.

Как она не понимает! Кортни стыдилась раздеваться даже при бабушкиных подругах. Но если кто-то из ее будущей

школы увидит ее в таком виде – это просто катастрофа!

Ужас... В довершение всего она даже не захватила полотенце из раздевалки! Кортни растерянно огляделась. Бассейн купался в солнечных лучах, проникавших через огромные застекленные стены. Когда она собиралась вылезти из воды и бежать к раздевалке, двери распахнулись, и к воде побежали невозможно худые девочки. На парней, которые вошли следом, Кортни даже взглянуть не посмела. Девочки из школьной команды и без того ее напугали.

Она застыла на месте, не зная, что делать. Если она сейчас выйдет из воды, все девочки увидят ее тесный купальник и складки жира. Они непременно обратят внимание на свою ровесницу, которая плавает со старушками.

– Кортни, – громко сказала бабушка, стоя на бортике, – пора выходить!

– Сейчас! – Она нырнула и некоторое время посидела под водой, жалея, что не может раствориться.

Делать нечего, пришлось вылезать из воды и выставять себя напоказ. Не поднимая головы, Кортни прошаркала в раздевалку, набитую ее худыми сверстницами.

Целых две недели Кортни умирала от желания познакомиться с ровесниками – но только не в таком виде. Сейчас она практически голая, и все ее недостатки налицо. Зато у девочек из школьной команды, похоже, ни грамма лишнего жира. Фигуры у всех идеальные.

Опустив голову, Кортни поспешила к своему шкафчику.

– Тебе нужно принять душ, – сказала Лета, подходя к ней. – Я уже помылась, так что можешь занимать среднюю кабинку.

– Приму душ, когда приеду домой, – промямлила Кортни. Она схватила полотенце и накинула его на плечи, сделав вид, будто ей очень холодно.

– Лучше вымойся сразу, – не сдавалась старушка. – Надо смыть с себя хлорку!

Но Кортни решила, что ни за что не снимет с себя купальник в душе, особенно сейчас.

Она подняла голову и заметила невдалеке двух девочек, которые о чем-то перешептывались, глядя прямо на нее. Кортни поняла, что они говорят о ней. Повернувшись к ним спиной, она закрыла лицо руками. Подумать страшно, что случится, когда не в таком уж отдаленном будущем она столкнется с этими девочками в школьном коридоре!

Глава 10

ЛИДИЯ ХОФФМАН

Если хотите усовершенствовать свои навыки, не бойтесь рисковать. Вязание гораздо безопаснее прыжков с парашютом. В нем нет почти ничего такого, чего нельзя потом исправить!
Люси Хумби. Tradewind Knitwear Designs

В субботу мне с трудом удастся сдерживаться, чтобы не выдать себя в разговоре с Маргарет. Я обижаюсь и злюсь на сестру за скрытность. Почему она как воды в рот набрала и молчит о Мэтте? Узнав, в чем дело, я начала пристально наблюдать за сестрой. Чем дольше продолжается этот фарс, тем больше я на нее обижаюсь.

Как правило, субботы у нас самые оживленные дни, но ближе к концу месяца, к дню зарплаты, продажи падают.

В начале первого я спрашиваю:

- У тебя есть какие-нибудь планы на Четвертое июля¹?
- Нет, – довольно вяло отвечает сестра. – А у тебя?
- Тоже пока ничего определенного.

Мы с Брэдом еще ни о чем не договаривались, но мне хочется съездить к океану с Коди и Чейзом, устроить пикник и посмотреть салют. В последний раз я ездила на побережье, в курортный городок примерно в трех часах езды от Сиэт-

ла, еще подростком. А вскоре после той поездки у меня в первый раз нашли опухоль. В общем, тот пикник у океана запомнился мне как конец беззаботного детства.

– Мы, наверное, устроим барбекю на заднем дворе, а фейерверк посмотрим по телевизору, – говорит сестра.

¹ Четвертого июля в США отмечается День независимости (4 июля 1776 года была подписана Декларация независимости). В этот день устраивают пикники и патриотические парады, а вечером – концерты и фейерверки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.